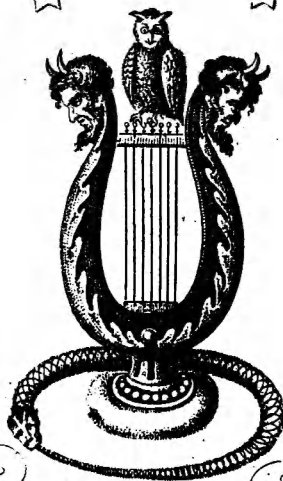

1824

ВЪЛНМОЗНИА

Москва.

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

и з д а в а е м а я

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

—————

ЧАСТЬ II.

—————

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Апрѣля 14 дня, книгу сію разсмотрѣвалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Катеновскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I.	Прологъ Трагедіи съ хорами: Ар- гивяне (В. Кюхельбекера)	1.
II.	О направленіи нашей Поезій, осо- бенно лирической въ послѣднее де- сятилѣтіе (В. Кюхельбекера)	29.
III.	Епиграмма (П—аго)	44.
III.	Прощаніе Воина (Кн. Вяземскаго)	45.
IV.	Видѣніе	47.
IV.	Суеша суешствій	50.
V.	Отрывокъ изъ Путешествія (В. Кюхельбекера)	51.
VI.	Елегія (П.....а)	68.
VII.	Пѣснь спрадальца (А. Мансурова)	70.
VIII.	Проклятіе (В. Кюхельбекера)	72.
IX.	Афоризмы изъ различныхъ Писа- телей, по части современнаго Гер- манскаго Любомудрія (Кн. Одоевскаго)	84.
X.	Вечеръ (А. Пушкина)	85.
XI.	Отрывокъ изъ Трагедіи: Марія Спуарпъ (Н. Павлова)	86.
XII.	Елладій, картина изъ свѣтской жизни (Кн. Одоевскаго)	94.
XIII.	Отрывокъ изъ Поемы: Искусство любить (Вас. Головина)	136.
XIV.	Одиночество (Волкова)	140.
XV.	Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера)	143.

	Стр.
XVI. Еропы (Раича)	152.
XVII. Новая Нина (С. Н.)	153.
XVIII. Р.....ву (Коншина)	155.
XIX. Особенности списъи :	
——— Опвъпъ Г. С....., на его Разборъ I-й часпи Мнѣмозины, помѣщенный въ XV номеръ Сына Опечеспва (В. Кюхельбекера)	159.
XX. Письмо въ Москву къ В. К. Кю- хельбекеру (Кн. Одоевскаго)	165.
Опечатки	186.

I.

ПРОЛОГЪ ТРАГЕДІИ СЪ ХОРАМИ: АРГИВЯНЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тимофанъ, Полководецъ Коринескій.

Тимoleonъ, старшій братъ его.

Сатирось, начальникъ, конницы.

Протогенъ, жрецъ Непшуна.

Резъ,

Поликратъ,

) Пришаны города Коринеа.

Аристонъ,

Ксантиппъ,

) Сопники Коринескихъ воиновъ.

Диомедъ, Сопникъ Карійскихъ наемниковъ (*).

Народъ Коринескій.

Нѣсколько гражданъ.

Воины Испмійскіе, Карійскіе и соспавляющіе спражу Акрофоринескую.

Глашапан.

Хоръ, состоящій изъ пѣвннхъ Аргивянъ.

(*) Наемники обыкновенно были въ Греціи изъ Каріянъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Площадь Коринѣская).

ХОРЪ ПЛѢННЫХЪ АРГИВЯНЪ.

1-й Кориѣей.

О Аргось! Аргось! смерть скосила
 Прекрасный цвѣтъ твоихъ дѣтей;
 Ихъ не оплакалъ гимнъ рыдающихъ друзей;
 Ихъ труповъ не взяла могила!

2-й Кориѣей.

Вѣлѣютъ груди ихъ костей
 По нивамъ горестной чужбины;
 Я слышу, вопль сонмъ любезныхъ мнѣ тѣней
 Въ уныломъ царствѣ Прозерпины!

1-й Полу-хоръ.

Мы жь не пали въ полѣ битвы!
 Етъ дымъ развѣялъ гнѣвъ Судьбы
 Наши жертвы и молибвы;
 Мы презрѣнные рабы!

1-й Кориѣей.

Спрашенъ будешь часъ свиданья,
 Нестерпимъ родимыхъ взоръ;
 Намъ и машерей лобзанья
 Къ смерти строгій приговоръ!

2-й Полу-хоръ.

Никогда не возвратимся!
 Нѣтъ не узримъ ужь луговъ,

Гдѣ мы юноши возрастали,
Гордость радостныхъ отцевъ!

2-й Корифей.

Я зрѣлъ: отверзся Айдесъ молчаливый,
Замаявъ Керберъ у подземныхъ вратъ
И позвалъ насъ Харонъ рукой нестерпливой!
Но мощный супоспалъ
Изъ длани вышибъ мой булатъ!

1-й Полу-хоръ.

Нынѣ здѣсь въ веселомъ свѣпѣ,
Какъ чужіе мы споймъ;
Насъ влечетъ къ безмолвной Лестѣ,
Хладно мы на жизнь глядимъ!

2-й Полу-хоръ.

Жертвы глухой, неизбежной Богини
Мы безъ участья на бури глядимъ;
Мы приближенье предвидимъ Эринній;
Смертные выданы имъ!

Цѣлый хоръ.

Мы, какъ пѣни, здѣсь споймъ;
Безъ участья мы глядимъ
Жертвы глухой, неизбежной Богини
На приближенье незапныхъ Эринній!

ЯВЛЕНІЕ II.

(Народъ собирается).

ДВА ГРАЖДАНИНА.

I. ГРАЖДАНИНЪ.

Теперь, когда бесѣдую съ тобою,
 Уже, — не сомнѣвайся, — рѣшена
 Моя судьба, швод, — судьба Коринѳа!
 Ликастѣ, съ едва блеснувшюю зарею
 Бдругъ двинулись Аргивяне къ Кенхреѣ (*).

ВТОРЫЙ.

Когда меня смѣнили съ шпрешей спражи,
 Съ Акрокоринѳа видѣлъ въ полѣ я
 Клубящуюся пылъ; казалось, слышалъ
 Далекій вопль, далекій спукъ и грохотъ!

ТРЕТІЙ *подходитъ къ нимъ.*

Сосѣди! Тимофанъ, нашъ Полководецъ,
 Къ намъ брата съ важной вѣспію прислалъ:
 Глашатаи сзываютъ весь народъ.
 Взгляните, въ мигъ вся площадь занеспрѣлась;
 Мы скоро здѣсь услышимъ гласъ героя:
 Но намъ и лица плѣнныхъ говорятъ;
 Чипаю въ взорахъ ихъ побѣду нашу!

ВТОРЫЙ.

И вѣспникъ ужъ идетъ. Валишь за нимъ
 Нетерпѣливая толпа. Припаны
 Съ возвышеннымъ и радостнымъ челомя
 Ведущъ его къ высокому амвону!

(*) Кенхрея—восточная приспань Коринѳская.

ПОЛИКРАТЬ.

Сберигте, старцы, гражданъ въ племена!

Р Е З Ъ.

Глашатаи! молчаніе повелите:

Тимoleonъ, сынъ Тимодема, роду

Алешова, опть племени Геракла

Изъ войска Полководцемъ въ градъ нашъ присланъ;

Предспалъ предъ нашу думу и взыскалъ, —

(Мы жь разрѣшить ему благоволили):

„На вечъ предъ народомъ говорить!“

ГЛАШАТАИ.

Умолкните . умолкните! — Внемлите!

ЯВЛЕНІЕ III.

Хоръ, Тимолеонъ, Сатирось, Прото-
генъ, Пританы и Народъ.

Тимoleonъ, *сѣ ораторскаго
алвона.*

О вы, любимцы бранной Афродиты,

Коринейне! да даспъ она и впредь

Вамъ вольность, силу, счастье, торжество;

А нынѣ Тимофанъ, служилель вашъ

Вамъ возглашаетъ радость и побѣду!

НАРОДЪ.

Хвала богамъ, Вождю хвала и слава!

ТИМОЛЕОНЪ.

Я вѣспникъ вамъ разбишья Аргивянь :
 Ихъ полчища разсѣяны; ихъ вождь
 Въ водахъ Коншопорійскихъ ушонуль (*).
 Пять пысячь юношей Аргивскихъ пало;
 Пять пысячь, рабство смерти предпочтя,
 Намъ опдали щипы въ поляхъ Кенхрейскихъ.
 А нынѣ: да войну прокатипъ къ нимъ,
 Да въ ихъ землѣ засвѣшипъ бранный пламень
 Преслѣдуешъ бѣгущихъ Тимофанъ.
 Низверженные въ прахъ насъ ждупъ Микены,
 Ждешъ мспителей разрушеный Тиринѣ (**).
 Предѣлы прешагнувъ, повсюду мы
 Союзниковъ себѣ въ домахъ ихъ встрѣшимъ.
 Коварная война погубипъ Аргосъ :
 Коринеу несъ онъ цѣпи, срамъ и смерть;
 Но судъ Кронидовъ праведнымъ защита;
 Се насъ ведешъ въ ихъ городъ Афродита!

НАРОДЪ.

Вождю хвала! Кумиръ, кумиръ герою!

ТИМОЛЕОНЪ.

Народъ, Пришаны! шоржештво и славу
 И смѣлыя надежды вамъ повѣдалъ :
 Теперъ даруйте благосклонный слухъ
 Совѣшу, мнѣ внушенному богами!

(*) Коншопора, рѣка между Арголидою и Коринѣею.

(**) Микены и Тиринѣ были разрушены Аргивянами.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Умолкните ! Тимолеонъ вѣщаетъ !

ВТОРЫЙ.

Или не все ужъ высказалъ вѣстия ?

ТРЕТІЙ.

Друзья , умолкните ! внемлите , братья !
 Драгая вѣсть любезнаго намъ рода ,
 Къ тебѣ сердца и слухъ свой преклоняемъ !

ТИМОЛЕОНЪ.

Сограждане ! не выше ль мѣры вы
 Почтили хопите подвигъ Тимофана ?
 И братъ его, въ своей душѣ его
 Съ разсвѣта жизни я привыкъ лелѣять ;
 И радости исполнилась мнѣ грудь,
 Когда вокругъ меня, въ восторгѣ шумномъ :
 „Кумирь ему, кумирь!“ — вы восклицали.
 Но пощъ предашель, въ комъ родство и дружба
 Опчизны голосъ можетъ заглушить ! —
 Не каждый ли изъ вашихъ ратниковъ
 Дѣлилъ съ вождемъ опасность и труды ?
 И не съ избыткомъ ли пощъ награжденъ ,
 Кто первый былъ въ спасителяхъ Коринѳа ?
 Въ Авинахъ Мильшпядъ просилъ вѣнка,
 Враговъ пресиливъ съ битвѣ Мараѳонской
 И былъ ему отвѣтъ : „пусть Мильшпядъ
 Рашъ Персовъ въ бѣгство обратитъ одинъ
 И будетъ вознесенъ одинъ предъ всѣми!“

Сихъ мудрыхъ словъ забвенью не предайте,
 О Граждане! добычи часть раздайте
 Вдовамъ и дѣшямъ падшихъ за Коринѣъ,
 Изъ чаши же на площади алтарь
 Воздвигнете Венерѣ - Немезидѣ,
 Богинѣ мѣры въ мщеньи и въ любви!

САТИРОСЬ.

Твои слова, о Тимодемовъ сынъ!
 Достойны брата к себѣ; — но мнѣ, —
 Меня издавна злая клевета
 Считаетъ рода вашего врагомъ, —
 Мнѣ подобаетъ предъ лицомъ народа
 Иное говорить. Хвала богамъ!
 Что я не врагъ вашъ, нынѣ докажу.

Мы славный подвигъ славно наградимъ,
 Коринѣяне! и долгъ намъ по велишъ
 И честь и собственная гордость:
 Реку и вы мои слова блюдите!
 Не только войскомъ, не Кенхрейской бипвой
 Мы въ сей войнѣ жестокой спасены:
 Единый онъ намъ сохранилъ свободу
 На торжищѣ собираясь и судишь;
 И что понынѣ называешь возможемъ
 Могущаго вождя своимъ слугою,
 Ему единому одолжены! —
 Не разъ послы враговъ предъ Тимофана,
 Объяты пьмой полуночной являлись;
 Не разъ, когда средь дремлющихъ шаптровъ

Въ его лишь спавкѣ шеплился огонь,
 Его Царемъ Коринескимъ называли.
 Отвергнулъ онъ коварный ихъ совѣтъ;
 Но съ мудрою заботою сокрылъ
 Приходъ ихъ опо всѣхъ, да подозрѣнье
 Не прерветъ въ градѣ общей пишины;
 Зане доносъ на сильнаго мгновенно
 Въ народѣ будитъ зоркую боязнь:
 А онъ не обладалъ еще тогда
 Душой непостоянной, новой рапи!
 Владѣетъ ею нынѣ Тимофанъ.
 Наемники его богошворятъ.
 „Для насъ онъ распочилъ:“ гласятъ они, —
 „Стяжаніе своихъ опцевъ; для насъ
 „Рука его всегда была опверзта!
 „Пусть нашей плапы намъ не шлетъ Кориней:
 „Мы Тимофана должники; ему
 „Мы продали свои мечи и души!“
 И наши юноши не менѣ любятъ
 Младаго, смѣлаго вождя, врага
 Смѣшныхъ, старинныхъ, нестерпимыхъ правилъ,
 Гонящихъ изъ шафировъ толпу Гетеръ,
 Отъемлющихъ у воиновъ пиры
 И разводящихъ ихъ вино водою!
 При спражевыхъ кострахъ, въ ночныхъ бесѣдахъ,
 Въ походахъ я внималъ ихъ разговорамъ.
 Кориней! твои сыны тебѣ забыли:
 Не вашей рапью, собственной своей
 Владѣетъ нынѣ мудрый Тимофанъ!

Я не виню его, но удивляюсь
Чудесной странныхъ случаевъ игрѣ!

1-й Гражданинъ.

Ты не видишь предателя, Сатиросъ?

Второй.

Сердца наемниковъ онъ подкупилъ!

Третій.

Онъ презрѣлъ строгіе законы предковъ!

Четвертый.

Онъ нашихъ опчуждилъ онъ насъ дѣшей!

Пятый.

Ярмомъ тиранства угрожаетъ граду!

Шестой.

Но пусть теперь еще и чистъ въ душѣ,
Онъ спалъ опасенъ, — онъ уже злодѣй!

Сатиросъ.

Когда же такъ, Коринѣяне! не въ слухъ
Не громко нынѣ епо говорите!
Мы, вѣрьте мнѣ, мы всѣ въ его рукѣ:
Онъ рашнымъ Царь, ихъ идолъ, ихъ опчизна!
И такъ явите преданность ему;
Съ восторгомъ въ срѣшенъе ему бѣгите;

Да вступишь онъ на вашихъ раменахъ
 Въ покорный городъ, въ радостный Коринѣ!...
 Или его не медленно казните!
 Но поздно можете быть; такъ, можете быть,
 Уже и смерть его не въ вашей волѣ!

ГОЛОСА ВЪ НАРОДЪ.

Смерть, смерть мясешнику! ширану смерть!

ПРОТОГЕНЬ.

Нѣтъ! смерть клеветнику! онъ вѣчно былъ
 Пропивникомъ, злодѣемъ Тимофану!

ГОЛОСА ВЪ НАРОДЪ.

Не слушайте его! онъ тещь ширану!

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАЖДАНЪ.

Такъ! тещь ему, но вѣрный другъ народу,
 Слуга боговъ, благочестивый старецъ!
 А сей всегда пѣсниль убогихъ гражданъ!

ПРОТОГЕНЬ.

Склоните слухъ свой, дѣти Поссейдоа!

НАРОДЪ.

Тебѣ даруемъ слово, Протогенъ!

ПРОТОГЕНЬ.

Сограждане! Саширось клеветникъ:
 Его устами завистль говоришь!

Самихъ я васъ въ свидѣтели зову:
 Не Тимофанъ ли вырвалъ у него
 На Испмѣ предъ соборомъ всей Эллады
 Вънокъ, бойцевъ завидную награду?
 Не Тимофана ли вы предпочли
 При выборѣ вождя въ сей славной брани?
 Сопернику Сапирось не простишь!
 Мнѣ болѣ смерти мерзоспенъ пиранъ,
 И будь онъ сынъ мой, умерщвлю его!
 Но потъ захочешъ ли пираномъ быть,
 Кто съ дѣтства былъ вашъ счастливый любимецъ
 Кто здѣсь оставилъ вамъ жену и кровныхъ?
 Кто брата къ вамъ прислалъ, того, чей мечъ
 Не разъ спасалъ его средъ грозныхъ стѣчъ?
 Сапирось жаждешъ казни Тимофана,
 Да самъ потомъ захвапшъ власть пирана!

САТИРОСЬ.

Напрасно оживляешь, Протогенъ,
 Забытую картину нашихъ распрей:
 Онѣ могли насъ юношей дѣлать;
 Но мужу, но отечества слугѣ
 Не болѣ подобаешъ помнить ихъ,
 Какъ слезы и забавы дѣтскихъ лѣтъ.
 О жрецъ Непшуна, я не клеветникъ!
 Имъ посланный сюда съ Тимолеономъ,
 (Повѣрь, онъ нашихъ взоровъ убоялся).
 Оставилъ позже я Кенхрейскій станъ
 И видѣшъ могъ, заперянный въ толпѣ,
 Какъ буйные наемники собирались,

Какъ золото онъ сыпалъ рапникамъ,
 Какъ пристра нашихъ юношей клялись
 Искоренить свящую власть Припановъ!
 Онъ знаете ли ихъ кляпву — вы рѣшите!

ПРОТОГЕНЬ.

Ты рекъ ужасное; но ты клеветешь!
 Друзья, не Тимофанъ ли вѣчно былъ
 Безмолвнѣйшимъ рабомъ законовъ вашихъ? —
 Другихъ на епу площадь изъ домовъ
 Съ зари ихъ выгоняетъ голодъ славы:
 Но юный Тимофанъ бѣжалъ чести;
 Врагъ шумныхъ распрей, преній всенародныхъ,
 Онъ Музамъ посвятивъ всю жизнь копѣль,
 И только власть Припановъ, власть отца
 Извлечь могла его сюда на вече!
 Здѣсь спалъ онъ угнѣвленныхъ щипъ и кровь:
 Какъ часто на себя онъ вызывалъ
 За васъ, гнѣвъ, ненависть и мщенье сильныхъ!
 Когда жъ въ вишяхъ возсіялъ совѣтомъ,
 Онъ топъ же тихій юноша ходилъ;
 На играхъ, на пирахъ, въ Театрѣ, въ храмахъ
 Повсюду спарцамъ мѣсто уступалъ;
 За славу раннюю молилъ пощады
 Въ народѣ взоръ популненный его;
 Для всѣхъ онъ былъ примѣромъ, но всегда
 Внималъ и былъ покоренъ общимъ мнѣнью!
 Кто жъ опъ невинности шагнулъ когда
 Безъ промежутка къ адскимъ преступленьямъ
 И кто жъ, Кориняне, узнаете здѣсь,

Укажешь ли кто въ жизни Тимофана
Высоковѣйность, дерзость, буйство, сѣсь,
Сихъ спутниковъ грядущаго пирана?

САТИРОСЬ.

Высоковѣйность, сѣсь... чѣмъ лучше ихъ
Сокрышь умѣлъ, пѣмъ болѣ онъ опасенъ!
При вѣчновозмущаемомъ лицѣ
Я не люблю столь образцовой жизни:
Премудрость въ пылкомъ юношѣ порокъ!

ПРОТОГЕНЬ.

Вы слышите: въ запушанныхъ рѣчахъ
Онъ самъ призналъ невинность Тимофана!
Уже назвашь не въ силахъ преспуленья,
Онъ въ добродѣтеляхъ его спремится
На пагубу ему почерпнуть ядь!
Послѣднюю, Саширось, отражу
Безсильную, но хитрую стрѣлу!
Чтобъ оправдашь — (сколь безпримѣрный случай!)
Народъ, я долженъ друга порицать!
Нѣшъ, братья, не владѣлъ онъ никогда
Сопутницей холоднаго злодѣя,
Премудростью, о коей сей вѣщаетъ!
И Тимофанъ былъ молодъ и его
Не разъ обворожали заблужденья:
Не вы ль его на пѣню осудили,
Когда обхваченъ вдругъ толпой Микенянъ
Онъ съ ними бился, какъ боецъ простой?

Уже грозила намъ вождя упрата,
 Ужь гибнулъ опромечивый герой:
 Едва его спасла отважность брата.
 Еще мои не ослабѣли силы,
 Провидцемъ и жрецомъ я въ войскѣ былъ;
 Я видѣлъ самъ, какъ конь копьемъ сраженный
 Его повергнулъ посреди враговъ:
 Всѣхъ насъ смутилъ Аргивянь крикъ побѣдный!
 Но вихремъ вдругъ Тимолеонъ помчался,
 Вломился, падшаго прикрылъ щипомъ,
 Удары шѣломъ собственнымъ приемлеть
 И торжество ихъ въ бѣгство превратилъ!
 Отозванный въ Коринѣъ, я предъ народомъ
 Тогда же Тимофана обвинилъ
 И гнѣвный въ немъ не пощадилъ роднаго.
 Нѣтъ! слабостей его не ушаю;
 Но заговорщика и въ нихъ, Сапирость,
 Кромольника и въ нихъ не узнаю!
 И что жь, признайся, всѣ его вины?
 Или добычею дѣлится съ войскомъ
 Межъ Греками возпрещено вождю? (*)
 Съ какой поры пугаться мы должны
 Пустыхъ рѣчей, бесѣдъ дружины праздною?
 Ты смѣешь на свидѣтельство свое
 Здѣсь казни требовать погo героя,
 Кто всѣхъ насъ искупилъ въ равнинѣ боя!
 Я подъ защиту всѣхъ даю его!

(*) Дѣло дѣйствительно въ древней Греціи позво-
 ленное.

Спрашись! здѣсь все возспало изъ тебѣя!
 Уже ль тебѣя спупени не смупили,
 Когда ты, злобы полнѣ, по нимѣ всходиль?
 При немѣ кто слушалѣ бы твои совѣты?
 Онѣ сколько съ нимѣ несчастныхѣ заспунилѣ!
 Какѣ часто онѣ тебѣя опсель громиль,
 Какѣ часто распоргаль твои навѣты!

Одинѣ изѣ Гражданѣ.

Наслѣдѣя давняго моихѣ опцевѣ
 Едва здѣсь не лишилѣ меня Сапирось.
 Но Тимофанѣ его распроилѣ козни!

Протогенѣ.

Тебѣя, Ликаспѣ, онѣ выкупилѣ изѣ рабства!
 Онѣ уплашилѣ твои долги, Тимандрѣ! -
 А ты, Клеонѣ, въ его шоргахѣ участникѣ:
 Я сонмомѣ окруженѣ спасенныхѣ имѣ!
 Друзѣя, его хотѣяшѣ у васѣ опняшѣ.
 Защишника всѣхѣ васѣ въ войнѣ и въ мирѣ!
 Какѣ онѣ всегда любилѣ васѣ! кровь свою
 Дѣшей для васѣ забылѣ онѣ въ завѣщаньи!
 Я помню—ужѣ труба звала въ походѣ,
 Миѣ оное вручая при прощаньи:
 „Коринеу рудниковѣ моихѣ доходѣ!
 „Когда пойду,“ — вѣщаетѣ: „за народѣ,
 „Народѣ усыновитѣ моихѣ сиропѣ!“
 Онѣ пушѣ въ послѣднѣй разѣ пожалѣ миѣ руку
 И вссель полешѣль на смерть и муку:
 Мужѣ храбрый побѣдилѣ; прошла борьба,

Опъ ста смертей его спасла судьба;
 Онъ уцѣлѣлъ средь ужасовъ сраженья:
 И вы, вы не распоргнете съшей
 Разспавленныхъ рукой ожесточенья?
 Опца лишите горестныхъ дѣтей,
 Опъ васъ единыхъ ждущихъ охраненья?
 Давно уже вельможи васъ шѣснятъ;
 Для виду полько васъ еще сзываютъ
 И здѣсь едва ль не правятъ безъ отвѣта,
 За васъ еще боролся Тимофанъ; —
 Но выдайте его ихъ хипрой злобѣ:
 Кто, кто дерзнетъ еще за васъ возстать?
 Коринѣъ, внемли жрецу швоихъ боговъ:
 Опъ вѣка прокляпъ родъ неблагодарныхъ;
 Ихъ запустѣетъ скорбный градъ и мечъ
 Дѣтей ихъ посѣчетъ; правою спогны,
 Мхомъ оброспуть домовъ ихъ алшари!
 О! спрашно въ наши дни Кронидъ караетъ
 Повинныхъ въ благодѣтельной крови!
 Въ Тринакрии (*), въ сокровномъ вамъ народѣ,
 Великаго Діона задушилъ
 Чудовищный Калиппъ измѣной гражданъ
 И казней преисполнилъ цѣлый край;
 Бичъ звѣрскихъ пришлецевъ перзаешъ ихъ!
 Аполлокрапъ и Гипаринъ, Низей
 И воспресполенный вновь Діонисій
 Разбой и язвы, голодъ и сѣкиры, —

(*) См. Плупарховы жизнеописанія Діона и Тимолеона.

Адъ принесли отверженной спранѣ!
 Тушъ сладостный весь оспровъ одичалъ;
 Повсюду вѣси спали пустыри;
 Нумидецъ, люшый всадникъ, для коней
 Богатый кормъ на площадяхъ находить;
 У самыхъ спѣнь, въ нѣмыхъ предмѣспьяхъ ловчій
 Встрѣчаетъ смѣлыхъ вепрей и оленей;
 Глухую обласъ спаи алчныхъ псовъ
 Съ конца въ конецъ проходятъ съ помнымъ воемъ;
 Костьми засѣялась и смокла спеть;
 Тучнѣюшъ волкъ и вранъ опъ смрадныхъ пруновъ;
 Боязненъ одинокій спранникъ бродить
 И душегубецъ на пуши спойшъ! —
 Такъ спрогій Рокъ за праведника мспить!
 Сей извергъ (*указывая на Сатироса.*) гнѣвъ
 небесъ на васъ низводитъ:

Васъ съ Сиракудами сравнить хопѣль!
 Позоръ ему и смерть его удѣль!

НАРОДЪ.

Сапирось лжець! онъ оскорбилъ Коринѣъ!
 Камнями забросимъ нечеспивца! —

ТИМОЛЕОНЪ.

Что ты вѣщаешь, Поссейдоновъ жрецъ?
 Какое буйство, други, васъ объяло?
 Ужель опъ рабства мы спасли Коринѣъ,
 Да самъ Коринѣъ себя позергнеть въ рабство?—
 Свобода гибнеть въ бѣшенствѣ спраспей!—
 Пусть здѣсь на судъ предспанеть Тимофанъ:
 Молю боговъ, да явится безвиннымъ!

Но нынѣ кровь Сапирова священна
И каждый власть главы его сочпень:
Надъ нимъ каратель Зевсъ и сѣнь Эгиды;
Не призывайте грозной Немезиды!

Голоса за сценою.

Измѣна! бунтъ! мяшежники въ пвердыѣ!

Тимолеонъ.

Увы! какое новое волненье?
Се ужасъ глубь души моей проникъ!
Что возвѣщаетъ сей незапный крикъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Воины Акрокоринѣской стражи.

1-й Воинъ.

О Граждане! предапелъ Тимофанъ
Въ Акрокоринѣ!

2-й Воинъ.

Въ городѣ!

3-й Воинъ.

Онъ здѣсь!

1-й Воинъ.

Изъ дома въ домъ его клевершы рыщущь!

2-й Воинъ.

Онъ вдругъ на насъ напалъ; вдругъ одолѣлъ!

3-й Воинъ.

За нами онъ, за нами ужасъ мѣшся!

ПРОТОГЕНЪ.

О небеса! я защищалъ пирана:
Земля разверзнись — поглоты меня!

САТИРОСЪ.

Сбылись мои слова: но я клянусь,
Ввѣкъ не мечпалъ, что сбудутся такъ скоро!—
Еще его здѣсь нѣтъ!... Кориняне,
Схващите вольности послѣдній мигъ!
Пусть скоситъ казнъ еообщниковъ злодѣя.—

1-й ВОИНЪ.

Не насъ, себя губи, когда желаешь:
Измѣнники за нами въ слѣдъ бѣгутъ!

ВТОРЫЙ.

Каріяне врагами завладѣли!

ТРЕТИЙ.

Демархъ и Лидій дома расхищаютъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Самъ Тимофанъ съ полпой клятвопреступныхъ,
Достойныхъ казни нашихъ согражданъ
Ужъ въ Припанеѣ: онъ лешитъ сюда!

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАЖДАНЪ.

Скорѣе, други! наши жены, дѣти
Одни: спасемъ ихъ отъ полковъ насмныхъ!

Голоса за сценою.

Хвала Царю Коринѣа, Тимофану!

Второй гражданинъ.

О страхъ! его Царемъ превозглашаютъ!

Третій.

Да будешь проклять нечестивый извергъ!

Четвертый.

Тирана вижу: онъ грядетъ! взгляните,
Онъ грознымъ лѣсомъ копій окруженъ;
Уйдемъ; укроемся подъ сѣнь Пенатовъ!

Пятый.

Злодѣй сюда идетъ! почто ему
Изъ персей сердца вырвать не могу!

*(Граждане большею частью въ без-
порядкѣ уходятъ; площадь мало
по малу пустѣетъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тимофанъ окруженный молодыми Коринѣ-
скими воинами и Карійскими наемниками.

Коринѣскіе юноши.

Да здравствуетъ великій Тимофанъ,
Народъ и вольность! сгибните Пришпаны!

Одинъ изъ гражданъ.

Припановъ низвергаетъ Тимофанъ :
Припаны податъми насъ бременили !

КАРІЯНЕ.

Царю Коринеа многи, многи лѣша!
А намъ — сокровища его враговъ !

ДИОМЕДЪ.

Привѣстсвуйте владыку странъ Испмійскихъ!...
Или дрожите, наглые мѣщане !

КСАНТИНЪ.

Презрѣнный варваръ, дерзостный пришлецъ,
Ты нашихъ братьевъ смѣешь поносишь ?

ТИМОФАНЪ.

Безумнымъ крикомъ не пугайте гражданъ!—
Соопичи, друзья! куда печете?
Меня ли вашего слугу, сосѣди,
Не узнаете вы? — Услышьте, братья!
Я вашихъ ушѣснителей смирилъ :
Дя здравствуюшъ Коринѣъ, народъ и вольносны!

Гражданинъ, избъ за алвона.

Умолкни, льстецъ! ты врагъ нашъ, пашъ, мяжеж-
никъ !
Твои клевершы грабятъ насъ, предашель!
Исчезни ты и родъ швой окаянный !

(Убѣгаетъ).

Тимофанъ.

Всѣ полны препета опселя бѣгущь!
 Всѣ ужасаются меня, какъ звѣря!
 Разсѣй же шумный сонмъ ихъ, Діомедъ!

(Діомедъ уходитъ).

Любезный Аристонъ! ты кровный мнѣ,
 Ты дорожишь и мною и Коринѣомъ;
 Грабежъ иноплеменныхъ прекрати!

(Аристонъ уходитъ).

Но братъ мой гдѣ? Гдѣ пестъ мой знаменитый?
 Увы! или неистовая чернь...?

(Видя ихъ). Ужели вижу васъ? вы спасены! —

Хвала Богамъ! мнѣ ваша жизнь дороже

И самого вѣнца, который мнѣ

Сегодня бросила рука Фортуны! —

Протогенъ.

Насъ видишь, лицемѣръ! и здѣсь надъ гробомъ

Зарѣзанной побой свободы ты

Насъ думаешь коварствомъ уловить,

Насъ ослѣпить лукавыми словами!

О! слишкомъ, слишкомъ долго Протогенъ

Игралищемъ твоимъ, насмѣшкой былъ!

Проси, Сапирь! здѣсь я на тебя,

И за него въ жестокомъ ослѣпленьи

Народный гнѣвъ и ярость возбуждалъ:

Но здѣсь же я о мою преступленье

Въ крови чудовища — пиранъ, умри!

(Бросается на него съ кинжаломъ).

Тимофанъ, устранныясь.

Изъ глазъ моихъ безумца удалите!

Подъ крѣпкой стражею его держите

Пока его судьбы я не рѣшу! —

А ты, Саширось! солнце при закатѣ

Да узришь пвой исходъ изъ нашихъ спѣнь!

Спокоюсь будь; пвоей презрѣнной кровью

Своей руки не оскверню! иди!

(Аристонъ возвращается)

Что, Аристонъ, бѣжишь ты бездыханень?

Аристонъ.

Самъ укроти ихъ буйство, Полководецъ:

Наемники моимъ словамъ не внемляшъ!

Они гласяшъ: „опвѣпспивуй Тимофану:

„Ему вѣнецъ *лы* даровали; нынѣ

„Свою награду ищемъ и получимъ!“

Тимофанъ.

Злодѣи! но могу ль ихъ безоружить?

Предамъ казну Припанской думы имъ:

Она ихъ жажду уполишъ, надѣюсь. —

Аристонъ.

Священную казну пришельцамъ алчнымъ?

Тимофанъ.

Ни слова! или отпроку шебѣ

Въ своихъ дѣлахъ обязанъ я опчетомъ?

КСАНТИППЪ.

Не расхищай святыни, Полководецъ!
 Мы силой усмиримъ полпу Карянъ:
 Мы не дадимъ родныхъ своихъ въ обиду!

ТИМОФАНЪ.

И ты, Ксаншипъ! совѣшуй: брегися!
 Уже давно упорный духъ пвой знаю.

КОРИНЕСКІЕ ЮНОШИ.

Намъ онъ грозитъ, а хищниковъ спрашится!

ТИМОФАНЪ.

Кто ропщеть здѣсь? въ Акрокоринѣ идите!
 Васъ ненавидитъ чернь; раздоръ погубитъ:
 Не еъ вами ль власть желаю раздѣлитъ?

(Большая гать молодыхъ Коринянъ уходитъ).

Ужасный день, день раснрей и смятеній!

Но се иду и въ градъ миръ успрою. —

Ты пасмуренъ и шихъ, Тимолеонъ!

Споишь въ меня вперлешъ взоръ горящій!

(Отводитъ его).

При алпарѣ семѣйныхъ нашихъ Ларъ

Гоповъ внимать я всѣмъ пвоимъ упрекамъ,

Но здѣсь.... яви ты свѣтлое чело!

Тебя я нашей дружбой заклинаю!

ТИМОЛЕОНЪ.

Почто еще на солнце я взираю?
И ты и я изъ подъ мечей въ бою
Почто мы вынесли главу свою?

(Уходятъ оба).

~~~~~

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аристонъ и Ксантиппъ, въ глубинѣ Театра
Хоръ.

АРИСТОНЪ.

Онъ слишкомъ рано снялъ съ себя личину!

КСАНТИППЪ.

Ты былъ его любимцемъ Аристонъ;
Меня онъ выше лѣтъ моихъ честила;
Онъ васъ обманывалъ; себя, меня
Властитель новый отвергаетъ нынѣ!

АРИСТОНЪ.

О другъ! мы въ страшномъ были заблужденъ;
Исчезла насъ прельщавшая мечта:
Пойдемъ, — свое загладимъ преступленье!
Разкаяться не поздно никогда!

~~~~~

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хоръ высупаемъ

Цѣлый Хоръ.

Сынъ подъялся на опчизну;
 Вспаль и будишь Евменидъ:
 Побѣжденный Аргосъ зришь,
 Падшимъ дѣшамъ шризу!

1-й Полу-хоръ.

Какъ въперъ осенью туманной.
 Вдругъ обращаетъ свой полѣтъ;
 По влажной области проспранной
 Бѣжитъ, ярился и ревѣтъ;
 Вдругъ до небесъ подьемлетъ волны;
 Вдругъ въ пропасть алчную влечѣтъ
 Незапно схваченные чолны:
 Такъ вѣчно движетъ народъ!

2-й Полу-хоръ.

Но пиранъ унылъ и мраченъ;
 Дикій взоръ его горитъ;
 Въ немъ нѣтъ сердца; другу, брату,
 Всѣмъ онъ гибелью грозитъ!
 Всѣхъ опчужденный въ угрюмой боязни,
 Онъ вымышляетъ и спрахи и казни;
 Бездну онъ видишь и къ безднѣ спѣшишь!

1-й Кориѳей.

Зрѣлъ я пирана; душа моя сжалась,
 Замеръ глаголь на поблекшихъ устахъ;

Хладной глава моя мглою объялась:

Сердце сковаль во мнѣ спрахъ!

2-й Корифей.

Но извергъ не избѣгнешь фурий:

Онѣ вездѣ за нимъ шекушъ!

Надъ нимъ въ пиши паряшъ, лепяшъ надъ нимъ
среди бури;

Изъ собственной груди вездѣ его зовушъ!

Цѣлый хоръ.

Не въ радость взойдетъ ему спрашный песѣвъ

Не въ радость созрѣетъ ужасная жашва,

Не минетъ преспудника вѣчная кляшва,

Поглопитъ злодѣя разверстый Эревъ!

Замѣч. Богами покровителями Коринеа были
Непсунъ и Венера. Последней поклонялись
здѣсь въ томъ образѣ, въ которомъ обыкновенно
изображаютъ Минерву и поному - то
Тимoleonъ называетъ ее *брашною*, воинственною.

В. Кюхельбекеръ.

II.

О НАПРАВЛЕНІИ НАШЕЙ ПОЭЗІИ, ОСОБЕННО ЛИРИЧЕСКОЙ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Рѣшаясь говорить о направленіи нашей Поэзіи въ послѣднее десятилѣтіе, предвижу, что угожу очень не многимъ и многихъ прошивъ себя вооружу. — И я наравнѣ со многими могъ бы восхищаться неимовѣрными успѣхами нашей Словесности. — Но льстецъ всегда презрительнѣе. — Какъ сынъ Отечества, пославляю себѣ обязанностію смѣло высказать испину.

Отъ Ломоносова до послѣдняго преобразованія нашей Словесности Жуковскимъ и его послѣдователями у насъ велось почти безъ промежутка поколѣніе Лириковъ, коихъ имена оспались спяжаніемъ попомства, коихъ швореніями должна гордиться Россія. Ломоносовъ, Пепровъ, Державинъ, Дмипріевъ, спутникъ и другъ Державина — Капнистъ, нѣкопорымъ образомъ Бобровъ, Восхоковъ и въ концѣ послѣдняго десятилѣтія — Поэпъ, заслуживающій занять одно мѣсть первыхъ мѣсть на Русскомъ Парнассѣ, — Кн. Шихмаповъ предводители сего мощнаго племени: они въ наше время

почти не имѣли преемниковъ.—Элегія и Посланіе у насъ вышѣснили Оду. — Разсмотримъ качества сихъ прехъ родовъ и постараемся опредѣлить степень ихъ поэпическаго достоинства. —

Сила , свобода , вдохновеніе необходимы при условіи всякой Поэзіи.— Лирическая Поэзія вообще не иное что , какъ необыкновенное , п. е. сильное , свободное , вдохновенное изложеніе чувствъ самаго Писателя. Изъ сего слѣдуетъ , что она пѣтъ превосходитъ , чѣмъ болѣе возвышается надъ событіями ежедневными , надъ низкимъ языкомъ черни , незнающей вдохновенія. Всѣмъ претованіямъ , которыя предполагаешь сіе опредѣленіе , вполне удовлетворяешь одна *Ода* , а посему безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто въ Лирической Поэзіи или , лучше сказать , одна совершенно заслуживаетъ названіе Поэзіи Лирической. Прочіе же роды стихотворческаго изложенія собственныхъ чувствъ — или подчиняются оныя повѣствованію , какъ-то Гимнъ , а еще болѣе Баллада и слѣдовательно переходятъ въ Поэзію Эпическую : или же ничтожностію самаго предмета налагаютъ на геній оковы , гасятъ огонь его вдохновенія.—Въ послѣднемъ случаѣ ихъ отличаетъ отъ Про-

зы одно только стихосложение; ибо прелесью и благозвучіемъ, достоинствами, которыми они по необходимости ограничиваются, наравнѣ съ ними можетъ обладать и краснорѣчіе.—Ода, увлекалась предметами высокими, передавая вѣкамъ подвиги Героевъ и славу Опечесства, воспаряя къ престолу Неизреченнаго и пророчествуя предъ благоговѣющимъ народомъ, парилъ, гремилъ, блещетъ, порабощаетъ слухъ и душу читателя. — Сверхъ того въ Одѣ Поэтъ безкорыстенъ: онъ не личными событіямъ собственной жизни радуется, не объ нихъ съшуется; онъ вѣщаетъ правду и судъ Промысла, поржествуетъ о величїи родимаго края, мечетъ перуны въ сопостатовъ, блажитъ праведника, клянетъ изверга. —

Въ Элегїи новѣйшей и древней Стихотворецъ говоритъ объ самомъ себѣ, объ своихъ скорбяхъ и наслажденїяхъ. Элегїя почти никогда не окрыляется, не ликуетъ: она должна быть тиха, плавна, обдуманна; должна, говорю, ибо кто слишкомъ воспорженно радуется собственному счастью — смѣшонъ; печаль же несповая не есть Поэзія, а бѣшенство. Удѣль Элегїи умѣрен-

носпѣ, посредственностѣ. (Гораціева aurea mediocritas *).

Son enthousiasme paisible
 N'a point ces tragiques fureurs ;
 De sa veine feconde et pure
 Coulent avec nombre et mesure
 Des ruisseaux de lait et de miel ,
 Et ce pusillanime Jcare
 Trahi par l'aile de Pindare
 Ne retombe jamais du ciel !

Она только тогда занимательна, когда, подобно нищему ей удастся (сколь жалкое предназначение!) вымолишь, выплакашь участіе, или когда свѣжестью, игривою пестрою цвѣтностью, кошорыми осыпаетъ предметъ свой, на мигъ приводитъ въ забвеніе ничтожность его. Послѣднему пре-

---

*) Вольтеръ сказалъ, что всѣ роды сочиненій хороши, кромѣ скучнаго:—онъ не сказалъ, что всѣ равно хороши.—Но Буало, верховный, непреложный, законодатель въ глазахъ полны Русскихъ и Французскихъ Сен-Моровъ и Ожеровъ, объявилъ:

Un sonnet sans defect vaut seul un long
 poème!

Есть однакоже варвары, въ глазахъ коихъ одна опважность предпринять созданіе Эпопеи взвѣшивается уже всевозможные Сонеты, Триолемы, Шарады и — можешь быть, Баллады. Соч.

бованію менѣе или болѣе удовлетворяють Элегіи древнихъ и Элегіи Гёшевы, названныя имъ Римскими: но наши Греи почти (*) вовсе не искушались въ семь свѣпломъ, полуденномъ родѣ Поэзіи. —

Посланіе у насъ или та же Элегія, только въ самомъ невыгодномъ для ней облаченіи, или Сапирическая замашка, какovy Сапиры оспряковъ прозаической памяши Горація, Буало и Попа, или просто письмо въ спихахъ. — Трудно не скучашь, когда Иванъ и Сидоръ напѣвають намъ о своихъ несчастіяхъ; еще пруднѣе не зашнушь, перечисывая, какъ они иногда въ прехъ спашъ прехстопныхъ спихахъ другъ другу разсказываютъ, что, слава Богу! здоровы, и спрахъ, какъ жалѣютъ, что такъ давно не видалсь! — Уже легче, если по крайней мѣрѣ репивый писецъ, вмѣсто того, чтобы начать:

(*) Баронъ Дельвигъ написалъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ *сколькo помню* — можно получить довольно вѣрное понятіе о духѣ Древней Элегіи. Впрочемъ не знаю, оппечатаны онѣ или нѣшъ.

Милоспивый Государь,

N. N.

воскликнешь :

— — — — — чувствительный Пѣвецъ,

Тсбѣ (и мнѣ) опредѣленъ безсмертія вѣнецъ!—

а-потомъ ограничишься объявленіемъ, что читаешь Дюмарсе, учишься азбукѣ и Логикѣ, никогда не пишешь ни *сѣмо*, ни *оамо* и желаетъ быть яснымъ! — Душѣ легче,— говорю—если онъ въ добавокъ не снабдишь насъ подробнымъ описаніемъ своей кладовой и Библіотеки и Швабскихъ гусей и Русскихъ ушокъ своего ирѣшеля. —

Теперь спрашивается: выиграли ли мы, промѣнявъ Оду на Элегію и Посланіе?—

Жуковскій первый у насъ спалъ подражая *новѣйшимъ* Нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру. Современо ему Бапюшковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ Пигмеевъ Французской Словесности—Парии и Мильвуа. Жуковскій и Бапюшковъ *на время* спали Корифеями нашихъ Стихотворцевъ и особенно той школы, которую нынѣ выдаютъ намъ за Романпическую. —

Но что такое Поэзія Романпическая?—

Она родилась въ Провансѣ и воспитана Данша, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость, отважно свергъ съ себя иго рабскаго подражанія Римлянамъ, которые сами были единственно подражателами Грековъ и рѣшился бороться съ ними. Въ послѣдствіи въ Европѣ всякую Поэзію свободную, народную стали называть Романтической. — Существоуетъ ли въ семъ смыслѣ Романтическая Поэзія между Нѣмцами?—

Исключая Гёте и по полку въ нѣкоторыхъ, немногихъ его твореніяхъ, они всегда и во всякомъ случаѣ были учениками Французовъ, Римлянъ, Грековъ, Англичанъ, наконецъ Италіяицевъ, Испанцевъ.— Что же отголосокъ ихъ произведеній? что же наша Романшика?

Не будемъ однако же несправедливы. При совершенномъ невѣденіи древнихъ языковъ, которое опличаетъ къ стыду нашему всѣхъ почти Русскихъ Писателей, имѣющихъ нѣкоторыя дарованія, безъ сомнѣнія знаніе Нѣмецкой Словесности для насъ не безъ пользы. Такъ на пр: вліянію оной обязаны мы, что теперь пишемъ не

одними Александринами и четырёхстопными Ямбическими и Хорейческими стихами.

Изученіемъ природы, слою, избыткомъ и разнообразіемъ чувствъ, картинъ, языка и мыслей, народностию своихъ твореній великіе Поэты Греціи, Востока и Британіи неизгладимо вѣзали имена свои на скрываляхъ безсмертія. — Уже ли смѣемъ надѣяться, что сравнимся съ ними по пуши, по которому идемъ теперь? — Переводчиковъ никто, кромѣ нашихъ дюжинныхъ переводчиковъ, не переводитъ. — Подражатель не знаетъ вдохновенія: онъ говоритъ не изъ глубины собственной души, а принуждаетъ себя пересказать чужія понятія и ощущенія. — Сила? — гдѣ найдемъ ее въ бѣльшей части своихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, извѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеній? — У насъ все *мелта* и *призракъ*, все *мнится* и *кажется* и *тудится*, все только *будто бы*, *како бы*, *нѣчто*, — *то-то*. Богатство и разнообразіе? Прочитавъ любимую Элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, знаешь всѣ. — Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувствоунынія поглотило всѣ прочія. — Всѣ мы въ запуски пускаемъ о своей погибшей мо-

лодоспи; до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту поску и на перерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ Периодическихъ изданіяхъ (*). Если бы сія грусть не была просто Решорическою фигурою, иной, судя по нашимъ Чайльдамъ - Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъбы подумать, что у насъ на Руси Поэты уже рождаются спариками. — Карпины вездѣ однѣ и шѣ же: *луна*, которая—разумѣется —*цныла и блѣдна*, скалы и дубравы, гдѣ ихъ

(*) Да не подумаютъ однако же, что не признаю ничего поэпического въ семъ сѣтованіи объ утратѣ лучшаго времени жизни человѣческой, юности, сулящей столько наслажденій, ласкающей душу столько сладкими надеждами. — Одно, два стихотворенія, ознаменованныя припомъ печашью вдохновенія, пропспекшія опъ сей печали, должны возбудить живое сочувствіе особенно въ юношахъ: — ибо кто, молодой человекъ, не вспомнитъ, что при первомъ огорченіи — мысль о ранней кончинѣ, о потерѣ всѣхъ надеждъ представилась его душѣ, ушѣшила и умилила его? —

Но что сказать о Словесности, которая вся почти основана на сей одной мысли? —

Сог.

никогда не бывало, лѣсъ, за копорымъ спю разъ представляють заходящее солнце, вечерняя.заря; изрѣдка длинныя пѣни и привидѣнія, что - то невидимое, что - то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія *Труда, Нѣги, Покоя, Веселія, Пегали, Лѣни* писателя и *Скуки* чинашеля; въ особенноти же *туманъ*: шуманы надъ водами, шуманы надъ боромъ, шуманы надъ полями; туманъ въ головѣ сочишшеля.

Изъ слова же Русскаго богатого и мощнаго сляшся извлечь небольшой, благоприспойный, припорный, искусственнотощій, приспособленнот для *немногихъ* лзыкь, un petit jargon de coterie. Безъ пощады изгоняють изъ него всѣ рѣченія и обороты Славянскіе и обогащаютъ его *архитравали, колоннами, баронами, траурали, Германизмами, Галлицизмами и Барбаризмами*. Въ самой Прозѣ спарають замѣнишь Причастія и Дѣепричастія безконечными Мѣспоименіями и Союзамн. — О мысляхъ и говоришь нечего. — Печашью народноти ознаменованы какіе нибудь во стиховъ въ Свѣшланѣ и въ Посланіи къ Воейкову Жуковскаго, нѣкоторыя, мѣлкія

эпихошворенія Капенина, два или три мѣсца въ Русланѣ и Людмиллѣ Пушкина. —

Свобода, изобрѣшеніе и новостъ составляютъ главныя преимущества Романтической Поэзіи передъ такъ называемою классическою позднѣйшихъ Европейцевъ. — Родоначальники сей мнимой Классической Поэзіи болѣе Римляне, нежели Греки. Она изобилуетъ Стихошворцами — не *Поэтами*, которые въ Словесности по же что Бѣльцы (*) въ мірѣ Физическомъ. — Во Франціи сіе вялое племя долго господствовало: лучшіе испинные Поэты сей земли; на пр. Расинъ, Корнель, Мольеръ, не смотря на свое внутреннее омерзѣніе, должны были угождать имъ, подчинявъ себя ихъ условнымъ правиламъ, одѣваясь въ ихъ тяжелые кафшаны, носивъ ихъ огромные парики и не рѣдко жертвовавъ безобразнымъ идоламъ, которыхъ они называли вкусомъ, Аристотелемъ, природою, поклоняясь подъ сими именами одному жеманству, приличію, посредственности. — Тогда ничтожныя расхищенія древнихъ сокровищъ

(*) Бѣлецъ или Альбиносъ; бѣлый Негръ. —

часнымъ , холоднымъ повпореніемъ умѣли оподлишь лучшія изображенія , обороты , украшенія оныхъ: шлемъ и лапы Алкидовы подавляли карловъ , не только неумѣющихъ въ нихъ успремляться въ бой и поражать сердца и души , но лишенныхъ подъ ихъ бременемъ жизни , движенія , дыханія. — Не шѣ же ли повпоренія наши: *младости и радости , цыннія и сладострастія* , и шѣ безымянные , опжившіе для всего брюзги , копорые , — даже у самаго Байрона (Child-Harold) , надѣюсь — далеко не спояшь не шолько Ахилла Гомерова , ниже Аріостова Роланда , ни Тассова Танкреда , ни славнаго Сервантесова Випязя печальнаго образа, — копорые слабы и недорисованы въ Пльнникѣ и въ Элегіяхъ Пушкина , несносны , смѣшны подъ перомъ его *Перепискиковъ*? — Будемъ благодарны Жуковскому , что онъ освободилъ насъ изъ-подъ ига Французской Словесности и опъ управленія нами по законамъ Ла Гарпова Лицея и Башпѣева Курса : но не позволимъ ни ему , ни кому другому , если бы онъ владѣлъ и въ десятеро большимъ передъ нимъ дарованіемъ , наложить на насъ оковы Нѣмецкаго или Англійскаго владычества! —

Всего лучше имѣшь Поэзію народную. Но

Расиномъ Франція опть часпи обязана Еврепиду и Софоклу?—Человѣкъ съ талантомъ, подвизаясь на пупи своихъ великихъ предшеспвенниковъ иногда открываешъ обласпи новыхъ красопъ и вдохновений, укрьвщіяся опть взоровъ сихъ исполиновъ, его наспавниковъ. — И пакъ, если уже подражашъ, не худо знашь, кто изъ иностраныхъ Писапелей прямо достоинъ подражания?—Между шѣмъ наши живые Капологи, коихъ *взгляды, разборы, рассудженія* беспреспанно вспрѣчаешъ въ Сынѣ Опечеспва, Соревнователѣ Просвѣщенія и Благопворенія, Благонамѣренномъ и Вѣспникѣ Европы обыкновенно спавяшъ на одну доску: Словесности Греческую и Лашинскую, Англійскую и — Нѣмецкую; великаго Гѣпе и — нездорѣвнаго Шиллера; исполина между исполинами Гомера и — ученика его Виргилія; роскошнаго, громкаго Пиндара и—прозаическаго стихопворителя Горація; доспойнаго наслѣдника древнихъ Трагиковъ Расина и — Вольпера, который чуждъ былъ испинной Поэзии; огромнаго Шекспира и — однообразнаго Байрона! — Было время, когда у насъ слѣпо припадали передъ каждымъ Французомъ, Римляниномъ или Грекомъ, освященныхъ

приговоромъ Ла Гарпова Лицея. Нынѣ благоговѣюще передъ всякимъ Нѣмцемъ или Англичаниномъ, какъ скоро онъ переведенъ на Французскій языкъ: ибо Французы и по сую пору не переспали бытъ нашими законодателями; мы осмѣлились заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ единственно попому, что *они* спали читашъ ихъ.

При основательнѣйшихъ познаніяхъ и большемъ нежели шеперь шрудолубіи нашихъ Писателей, Россія по самому своему Географическому положенію могла бы присвоить себѣ всѣ сокровища ума Европы и Азіи. — Фердоуси, Гафись, Саади, Джами ждущъ Русскихъ читашелей. —

Но недовольно—повторяю—присвоить себѣ сокровища иноплеменниковъ: да создася для славы Россіи Поэзія истинно Русская; да будетъ Свяшная Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою Державою во вселенной!— Вѣра праощевъ, нравы опечественные; Лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей Словесности. —

Станемъ надѣясь , что наконецъ наши Писатели , изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ , сбросятъ съ себя поносныя цѣпи Нѣмецкія и захопятъ бытъ Русскими. — Здѣсь особенно имѣю въ виду А. Пушкина , котораго при Поэмы , особенно первая , подають великія надежды. — Я не обинулся смѣло сказать свое мнѣніе на счетъ и его недоспашковъ: не смотря на то , увѣренъ , что онъ предпочтетъ оное громкимъ похваламъ Господина Издаателя Сѣвернаго Архива.—Публикѣ мало нужды , что я другъ Пушкина: но сія дружба даетъ мнѣ право думать , что онъ равно , какъ и Барашинскій , достойный его поварищъ—не усомнятся , что никто въ Россіи болѣе меня не порадуется ихъ успѣхамъ ! —

Сеидамъ же , которые непременно вездѣ , гдѣ только могутъ , провозгласяшь меня Зоиломъ и завистникомъ , буду отвѣчать только тогда , когда найду ихъ нападки вредными для драгоценной сердцу моему Опечестивенной Словесности.—Опроверженія благонамѣренныхъ , просвѣщенныхъ прошивниковъ приму съ благодарностію ; прошу ихъ переслать оныя для по-

мѣщенія въ Мнемозину и напередъ объявляю всѣмъ и каждому, что любимѣйшее свое мнѣніе охотно промѣняю на лучшее. Истина для меня дороже всего на свѣтѣ!—

В. Кюхельбекеръ.

Э П И Г Р А М М А.

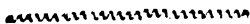
Дамонъ стихи въ печать отдалъ

И Публика зѣвая, догадалась:

Онъ имени не подписалъ —

Чтожъ? — глупость за него такъ гетко подпи-
салась.

П—ой.

ПРОЩАНИЕ ВОИНА.

Романсъ.

Звучить труба; ряды сомкнулись въ строй;
 Опчизны гласъ насъ призываетъ къ мести:
 Подай мнѣ мечъ непрепетной рукой!
 Я возвращусь со славой съ поля чести!
 Когда сойдусь я мечъ на мечъ съ врагомъ,
 Ты будешь мнѣ невидимый хранитель;
 Любовникъ твой бытъ долженъ побѣдитель!
 Ты бытъ должна ко славѣ мнѣ вождемъ! —

* * *

Цвѣтаи ты усѣй возвращный путь!
 Да миртъ и лавръ привѣтствуютъ Героя!
 Да склонитъ онъ на препетную грудь
 Главу свою, успалую отъ боя!
 Мой щипъ, мой шлемъ повѣсишь ты съ мечемъ!
 Пусть освящаютъ они твою обитель!
 Пусть говорятъ, что я былъ побѣдитель,
 Что ты была ко славѣ мнѣ вождемъ!

* * *

Но пыль взвилась! подвинулись полки!
 Прости! красы не омрачай слезами!
 Сей швердый мечъ, сей даръ швоай руки,
 Предвѣспникъ мнѣ побѣды надъ врагами!
 Твоя мольба предъ Вышнимъ алпаремъ—
 Сопушникъ мой и въ бурѣ бипвъ хранишель!
 Любовникъ швой бышь долженъ побѣдишель;
 Ты бышь должна ко славѣ мнѣ вождемъ! —

Князь Вяземскій.

IV.

ВИДѢНІЕ.

Огни, сверкая, загорѣли
 На легкихъ облакахъ проснувшихся небесъ;
 Я слышу тихій зовъ пастушеской свирѣли
 И сонъ мой пасмурный исчезъ! —

Но изголовіе омочено слезами,
 Но я встревоженъ весь минувшими мечтами;
 О! преклоните слухъ на мой рассказъ, друзья:
 Быть можеть, отдохнешь при васъ душа моя! —

Луга сребрились луною:
 Подъ сѣнію деревь, надъ свѣтлою рѣкою
 Я видѣлъ юную, прелестную чешу:
 Они прекрасный мигъ ловили на лешу;

Они для счастья дышали;
 Въ нихъ быстрая кипѣла кровь;
 Имъ чашу радости, воспорговъ и печали
 Несла съ улыбкою Любовь. —

А на скалѣ нагой и дикой
 Старикъ угрюмый, блѣдноликой
 Стоялъ надъ плещущей водой! —
 Во тьмѣ невѣрной и сквозной
 За трепетной завѣсой ночи
 Его погасшіе угадывалъ я очи
 И взоръ холодной и нѣмой: —

Луна весь спанъ его сіяньемъ обливала,
 И лдяная брада по поясъ упала.
 Съ вершины сумрачной таинственный! спарикъ
 Смотрѣлъ на юношу, на дѣву молодую:

Но спрашенъ былъ морозный ликъ,

Онъ весь былъ погруженъ въ дремоту гробовую.—

Такъ—мертвой высоты недвижимый жилецъ

(Его полкъ на спрахъ образовалъ рѣзецъ)

Стоитъ—и, одинокъ, средь ужасовъ молчанья

На ловчаго въ горахъ льещь спужу содроганья;

Съ лица пришельца вдругъ посылетъ хладный

попъ,—

Онъ ошановится надъ вѣчнымъ шумомъ водъ,

Онъ взглянетъ:—на него сынъ дикаго искусства

Съ нѣмой скалы гладитъ безъ жизни и безъ

чувства (*)! —

Но близилась гроза и воздухъ опягчѣлъ;

Все небо черными одѣлось облаками

И се—разданный вдругъ кровавыми браздами

(*) Шатобрианъ въ своемъ: *Genie du Christianisme* повѣствуетъ, что въ Южной Америкѣ въ Корделіерахъ не рѣдко встрѣчаютъ огромныхъ испукамовъ, коихъ сооруженіе природные жители приписываютъ духамъ и какому-то племени великановъ, обитавшихъ въ древности. —

Сводъ звѣздный застоналъ, шашнулся, загре-
мѣлъ!

А онъ, онъ безъ участья

Съ утеса голаго по прежнему смотрѣлъ,
Сквозь бѣшенство стихій, въ даль чернаго на-
нашья.

Тогда — я съ шрепешомъ постигъ его удѣлъ:

Миѣ страшныя уста ни слова не сказали;

Гроза, рокоча, пропекла:

Но мертвая дуца душѣ моей рекла:

И весь я полонъ былъ боязненной печали! —

СУЕТА СУЕТСТВІЙ.

Оплетающая младость ,
 Убивающей рукой
 Вырываетъ за собой
 Все живое: скорбь и радость!

* * *

Мнѣ сказала сердце: „нѣтъ!
 Ты для чувствъ не будешь камнемъ!“ —
 Но пустьъ скоро свѣтъ,
 Въ сердцѣ скоро гаснетъ пламень.

* * *

Все проходитъ, спынешь кровь!
 И падетъ шуманъ на вѣжды,
 И умчатся всѣ надежды,
 Слава, счастье и любовь! —

~~~~~

ПИСЬМО XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

$\frac{27}{15}$ Октября 1820го года дорогою между Герцбергомъ и Грозенгайномъ.

Мы оставили Берлинъ и Пруссію ; со-общаю вамъ, друзья , нѣкоторыя объ нихъ воспоминанія . — Вечеромъ въ мою бытность въ Потсдамѣ я отправился полубольной въ Гарнизонную церковь ; вхожу въ великолѣпный храмъ, выбитый алымъ бархатомъ : скудное мерцаіе нашихъ свѣчь раздѣляло царствующій мракъ на огромныя тѣни , между коими изрѣдка лоснились пемнобагровыя обои и сіяла попускившая позолота : молчаніе прерывалось нашими шагами и глухимъ опголоскомъ зданія ; когда мы останавливались и умолкали , безмолвіе возраспало и было тяжелѣ и печальнѣе . — Здѣсь похоронень великій Фридерихъ ; а возлѣ него лежишь въ богатомъ мраморномъ мавзольѣ отецъ его : смерть помирила ихъ ! Самъ онъ въ простомъ гробѣ съ свинцовой обшивкою : онъ даже не хотѣлъ , чтобы балъзамировали его . —

Въ Берлинѣ я между прочимъ посѣпилъ фарфоровую фабрику.—Механическія работы, машины, горны и проч., предметы для многихъ очень занимательные не только не возбуждаютъ во мнѣ любовь:спсва, они для меня отвратительны; посему иногда по природной мнѣ услужливости бываю въ обществѣ другихъ въ мастерскихъ и фабрикахъ; но нечистота и духота господствующія въ нихъ слысятъ, шумъ оглушаетъ меня, пыль приводитъ въ отчаяніе, а сравненіе ничтожныхъ, но столь тяжелыхъ трудовъ человѣческихъ съ безсмертными усиліями Природы будитъ во мнѣ какое-то смущенное негодованіе. — Только тогда чувствую себя счастливымъ, когда могу вырваться и бѣжать подъ защиту высокаго, свободнаго неба; чувствую себя счастливымъ даже подъ завываньемъ бурь и грохотомъ грома: онъ оглушаетъ меня, но своими полными звуками возвышаетъ душу. — Съ любезнымъ для меня семействомъ Шадовыхъ я былъ въ новомъ Берлинскомъ Театрѣ: здѣсь огромный, свѣтлый концертный залъ расширилъ сердце мое: я вдругъ почувствовалъ себя веселѣе. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ заловъ мною видѣнныхъ. — Воскресенье $\frac{22}{10}$ числа я былъ

съ Лаппенбергомъ (*) въ домѣ одного Банкира изъ Гамбурга и слушалъ прелестное: Requiem. Пѣли любители: въ числѣ ихъ поразила меня сынъ Банкира Авраама Мендельсона: онъ приѣхалъ съ опцемъ изъ Парижа и, будучи мальчикомъ 15 лѣтъ, чуднымъ своимъ музыкальнымъ талантомъ успѣлъ уже прославиться. Никогда я не видывалъ сподобившаго совершеннаго красавца: его черные локоны въ природной свободѣ упали до половины спины, шея и грудь бѣлыя, какъ снѣгъ, были открыты; черные, полуденные глаза горѣли и возвѣщали будущаго побѣдителя душъ! Уста небольшія, розовыя казались созданными для поцѣлуевъ: въ его голосѣ вылетало сердце, узнавшее и чувствующее болѣе, нежели обыкновенно знаютъ и чувствуютъ въ его возрастѣ. — Между прочими любителями находился другъ Шиллера Кёрнеръ, отецъ безсмертнаго юноши, героя, Поэта, мученика. —

Мои прогулки съ Лаппенбергомъ въ звѣринцѣ и въ саду замка Бельвию для меня всегда останутся памятными: мы часами разговаривали съ нимъ объ Россіи, объ Россійской Исторіи и объ языкѣ Русскомъ:

(*) Лаппенбергъ, мой приятель, Посланникъ Ганзейскихъ городовъ при Берлинскомъ дворѣ.

онъ человекъ умный, ученый, разсудительный, одаренный вполнѣ прудолобіемъ своего народа и рвеніемъ разширить область своего знанія.— Не рѣдко, мы ходили до усталости по огромному звѣрincu, нѣсколько уже развѣнчанному рукою осени; воспоминали время минувшее и дивились огромнымъ слѣдамъ и развалинамъ, которыя оно повсюду оставило въ полесѣ своей; листья шумѣли подъ ногами нашими или будили тишину незапнымъ паденіемъ. — Мы оспонавливались; глядѣли на кусты зеленыхъ, синихъ, пунсовыхъ деревьевъ и почти пугались, когда вдругъ открывали сквозь вѣтви видъ или дорогу тамъ, гдѣ еще вчера все для насъ было завѣшано листьями. — Такъ въ теченіи времени испытаешь въ бояливомъ изумленіи иногда усматриваешь связь и родство между такими предметами міра, которые до того считались совершенно однимъ другому чуждыми. —

ПИСЬМО XV.

ДРЕЗДЕНЬ.

30
18 Октября.

Я здѣсь точно въ странѣ волшебствъ и очарованій. — Весь день бѣгаю, наслаждаюсь и даже не имѣю времени передать бумагъ свои наслажденія. — Саксонская природа очаровываетъ меня еще и теперь въ глубокую осень. — Представьте себѣ, друзья, чудесный Дрезденскій мостъ черезъ Эльбу, горы лѣсистыя, попомъ шуманныя, синія, будно привидѣнія по обѣимъ сторонамъ; у самаго моста величественную Каполическую церковь; представьте меня на мосту: гляжу и на силу удерживаюсь, чтобы не пропаянушь рукъ къ этимъ очаровательнымъ опдаленностямъ! — Облака плаваютъ въ темно-голубомъ небѣ; озаряются вечернею зарею, отражающа въ водахъ вмѣстѣ съ пышными садами и гошическими, живописными строеніями. — Всѣ долины, холмы и скапы усѣяны безчисленнымъ множествомъ селеній, деревень, городовъ: — все здѣсь кипитъ жизнью. — Люди неспрѣютъ въ своихъ разноцвѣтныхъ одѣждахъ. — Вчера

я былъ за городомъ съ нашимъ Докпоромъ: народъ полпами валилъ въ общеспвенный садъ, гдѣ Дрезденцы по Воскреснымъ днямъ пьютъ кофе и наслаждаются табакомъ и природою: что пагъ, по новая въ глазахъ моихъ картина! Экипажи, всадники, иностранцы въ богатомъ Англійскомъ, Спуденшы въ спранномъ Германскомъ нарядѣ, Гвардейцы въ красныхъ мундирахъ съ медвѣжьими шапками, нищие, — словомъ волшебный фонарь! —

~~~~~

ПИСЬМО XVI.

ДРЕЗДЕНЪ.

20 Октября.
1 Ноября.

У меня было, какъ вы знаете, письмо въ Берлинъ къ Поэту Тидге, я его опдалъ здѣсь въ Дрезденѣ. Тидге живешъ у почтенной Госпожи Фонъ деръ Реке, сеспры Герцогини Курляндской; въ ея домѣ я познакомился еще съ Бѣппигеромъ и съ Тикомъ, брапомъ ваяшеля, главою Германскихъ Романшиковъ. Тидге человекъ лѣшь пяшиде-

слиши самой обыкновенной наружности; онъ съ перваго взгляда болѣе похожъ на добраго Нѣмецкаго ремесленника, нежели на Поэта: корошенькій парикъ, изъ подт кошораго выглядывають сѣдые, рыжеватые волосы; маленькіе сѣрые глаза; морщинное лице; слабое, больное сложеніе и кривая нога—вошь оболочка, въ копорую завернупъ пворецъ Ураніи! Тидге разговариваетъ съ болшею живоспью; его взоры воспламеняются и, если рассказываетъ что нибудъ занимательное, онъ непримѣпнымъ образомъ проливаетъ теплоу въ своего слушателя. — Не рѣдко посреди общаго разговора онъ задумывается и сидитъ занятый своими мечпаніями.—Госпожа Фонъ деръ Реке насъ заспавила нѣсколько разъ замѣшитъ, когда впадалъ онъ въ такое забвеніе. — Обращя на него вниманіе въ подобное мгновеніе, не смущаетъ его, если онъ и увидитъ, что на него смощитъ; онъ пошчасъ приходитъ въ себя и съ болшимъ учаспиемъ вмѣшивается въ разговоръ общеспва. — Я много рассказывалъ ему о нашей Словесности: объ Державинѣ, Жуковскомъ и молодомъ пворцѣ Руслана и Людмиллы и долженъ былъ перевестъ для него нѣсколько спихощвореній Башюпкова

и Пушкина; онъ хочеть ихъ переложить и помѣстить въ Журналъ, который въ непродолжительномъ времени будетъ издаваться въ Германіи въ пользу семействъ, поспрадавшихъ отъ войны 1813 и 1814 годовъ. — Элиза Фонъ деръ Реке, урожденная Графиня Медемъ, величественная, высокая женщина, она некогда была изъ первыхъ красавицъ въ Европѣ; нынѣ на 65 году своей жизни Элиза еще плѣняетъ своею доброшою, своимъ умомъ, своимъ воображеніемъ. — Фонъ деръ Реке была другомъ славнѣйшихъ особъ, обезсмертившихъ послѣдніе годы Екатеринина вѣка: Великая Императрица уважала и любила ее, уважала особенно, пошому что ненавидѣла гибельное суевѣріе, которое Каглиоспро и подобныя обманщпки начали разпространить уже въ послѣднія два десятилѣтія минувшаго вѣка. — Нынѣ это суевѣріе, не встрѣчая даже между мущинами споль просвѣщенныхъ прошивниковъ, каковы были въ прошедшемъ сполѣтіи великая царь-женщина и умная; смѣлая женщина - авторъ, въ наше время оно быспро разпространяется, воскрешая отъ мершвыхъ спаринныя, давно забышыя сказки нашихъ покойныхъ мамушекъ и нянюшекъ, которыя

облекаетъ въ пышныя, Греческія названія единственнно для того, чтобы не стыдно было имъ вѣришь. — Всѣ мы смѣемся надъ привидѣніями, домовыми, предсказаніями и волшебниками: но какъ не признашь власнѣ бѣлыхъ и черныхъ маговъ, говорящихъ самымъ опборнымъ, сладостнымъ и темнымъ языкомъ о возможности соединяшьясь съ душами ошлученными опъ пѣла, о сущеспвованіи Элементарныхъ духовъ, о шайныхъ опкровеніяхъ и предчувствіяхъ? — За по Господа Каглюспро нашего времени одѣваются въ самое лучшее Англійское сукно, носятъ Брегетовые часы, опъ нихъ пашепъ ароматами; ихъ руки украшены кольцами, а карманы нашими деньгами; они все знаютъ, вездѣ бывали, со всѣми знакомы; наши жены находятъ, что они ловки и любезны, а мы — что они премудры!

Но возвратимся къ женщиѣ, копорая сорвала личину съ ихъ предшеспвенника. — Каглюспро въ свою бышность въ Мипавѣ уснѣлъ воспламенишь молодое погда воображеніе Госпожи Фонъ деръ Реке и сестры ея Герцогини Курляндской. Впрочемъ Элиза не долго могла бышь въ заблужденіи; она вскорѣ опкрыла всю гнус-

поспѣ обманщика и почла своею обязанно-
стію, пожертвовавъ собственнымъ само-
любіемъ для спасенія другихъ опы сѣшей
подобныхъ изверговъ: она оппечатала опи-
саніе жизни и дѣяній Графа Каглюспро въ
Мишавѣ. —

Я никогда не забуду этой почтенной,
величавой, крошкой любимицы Музъ: ве-
черъ дней ея подобенъ пихому прекрасно-
му закапу благошворнаго солнца; ее обо-
жаютъ всѣ окружающіе. — Почтенный
Бѣлшигеръ мнѣ про нее сказалъ: „это не
женщина; это прекрасное явленіе изъ то-
го міра, которое напоминаетъ все боже-
ственное, все высокое.“

Въ кругу, въ которомъ теперь нахо-
жусь, знаютъ, помнятъ и любятъ двухъ
нашихъ Писателей: А. С. Шишкова и Н. И.
Греча. Шишковъ очаровалъ всѣхъ своею
почтенною наружносшью; Тидге его иначе
не называетъ, какъ прекраснымъ спарцемъ:
особенно онъ полюбилъ шворцу Ураніи
живосшью, съ которою принимаетъ всѣ
впечатлѣнія. Н. И. Гречъ озадачилъ Тидге
и Госпожу Фонъ деръ Реке своимъ природ-
нымъ, смѣлымъ краснорѣчіемъ, не связан-
нымъ никакими свѣтскими узами.—У Тика

я былъ сегодня поупру; онъ человекъ чрезвычайно занимательный и достойный примѣчанія по своему образу мыслей. Съ начала я упомянулъ о сочиненіяхъ покойнаго Новалиса, Тикомъ изданныхъ и жалѣлъ, что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пылкомъ воображеніи, не старался быть яснымъ и совершенно упонуть въ миспическихъ поноскахъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ ясенъ и не счелъ нужнымъ подтвердитъ по доказательствами. О Виляндѣ Тикъ судитъ строга, но какъ мнѣ кажется, справедливо. „Виляндъ,“ говоритъ онъ, „сласполюбивъ и скрыпенъ: онъ съ какимъ-то наслажденіемъ оспанавливается на неблагоприспойныхъ предметахъ. Древніе Писатели распустиѣ Вилянда, но выше его въ глазахъ испиннаго Философа, потому что въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ смѣлы и величественны и никогда не унижающа до шалости.“ Онъ согласенъ со мною, что въ Виляндѣ болѣе словъ, нежели дѣла. —

Что же касается до его мнѣнія о Клоппокѣ, оно такъ странно, что заслуживаетъ быть замѣчаннымъ: „Клоппокъ,

по словамъ Тика, не есть Хриспіянинъ, не
есть даже Поэпъ нравспвенный, но скеп-
шикъ и пошому писатель опасный. “

~~~~~

ПИСЬМО XVII.

Октябрь.
 $\frac{22}{3}$ Ноябрь.

Въ прошедшее Воскресење неожиданная
вспрѣча обрадовала меня въ Каполической
церкви. Я наслаждался превосходнымъ пѣ-
ніемъ Королевскихъ каспраповъ; обѣдня
опошла; вдругъ за мною кто-то вскрики-
ваетъ, — оглядываюсь: это М... одинъ
изъ моихъ милыхъ Пепербургскихъ питом-
цевъ; онъ подводитъ меня къ опцу; мы
обнимаемъ другъ друга, радуемся, удивляем-
ся. Я потомъ былъ у нихъ уже нѣсколько
разъ и въ ихъ домѣ познакомился съ моло-
дымъ человекомъ, котораго полюбилъ съ
двухъ первыхъ свиданій: его имя О... онъ
былъ въ военной службѣ, и теперь нахо-
дился въ Дрезденѣ для своей мапери, коей
здоровье нѣсколько распроеено. Вы себѣ
можете вообразить, друзья мои, какъ ча-
сто бываю я у М. . . . можете вообра-

вишь, что мы разговариваемъ только и единственно о Россіи и не можемъ наговориться о ней: перешнее состояніе нашего Отечества, мѣры, которыя Правительство принимаетъ для удаленія нѣкоторыхъ злоупотребленій, теплая вѣра въ Провидѣніе, сердечное убѣжденіе, что Святая Русь достигнетъ высочайшей степени благоденствія, что Русскій Богъ не вѣщце даровалъ своему избранному народу его чудныя способности, его языкъ богатѣйшій и сладостнѣйшій между всѣми Европейскими, что Небо предопредѣлило Россіянамъ быть великимъ, благодатнымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ: вопъ что придаетъ жизнь и теплошу нашимъ бесѣдамъ, заспавляющимъ меня иногда совершенно забывашь, что я не въ Отецествѣ. Въ постояломъ домѣ: Hôtel de Pologne, гдѣ мы нынѣ живемъ, нашель я еще нѣсколько человекъ Русскихъ: примѣчательнѣйшій для меня Полковникъ Давыдовъ, братъ Поэма: онъ говорилъ мнѣ про Пушкина, съ которымъ обѣдалъ въ Кіевѣ: я былъ чрезвычайно радъ, что могъ Давыдова познакомиться съ Поэмой: *Русланъ и Людмила*. —

ПИСЬМО ХУІІІ.

ДРЕЗДЕНЪ.

28 Октября.
9 Ноября.

Я видѣлъ здѣсь чудеса разнаго разбора: двухъ великановъ, восковыхъ чучель, морскаго льва благовоспитаннаго, умнаго, копорый чудо изъ чудесъ, говоритъ Нѣмецкимъ языкомъ, и какъ увѣряють, даже ниже-саксонскимъ нарѣчіемъ! Люблю иногда вмѣшиваться въ толпу простаго народа и замѣчать характеръ, движенія, спраши моихъ братій, коихъ опдѣляютъ олъ меня состояніе и предрасудки, но съ коими меня связываетъ человѣчество: ихъ ни гдѣ не увидишь въ бѣльшей свободѣ, какъ при зрѣлищахъ; здѣсь занятое ихъ любопытство раскрываетъ въ рѣчахъ нравъ ихъ; они обнаруживаютъ всѣ свои познанія, свои чувства, свой образъ мыслей. — Саксонецъ вообще въ такомъ случаѣ тихъ, молчаливъ, внимателенъ, глубокомысленъ: дѣши и спарики, мужчины и женщины безмолвствовали съ благоговѣніемъ; они, казалось, въ самомъ дѣлѣ видѣли передъ собою Государей Европы, съ копорыми знакомила ихъ быспрымъ,

свиспящимъ голосомъ обладапельница сихъ каррикашурныхъ изображеній ; казалось , хопѣли помочь несчастному Коцебу, копо-раго при нихъ убиваль сумасшедшій Зандъ, смопрѣли на Госпожу Спаль и на морскаго льва, на великаншу и на всѣхъ присупсвующихъ важно, приспально, спокойно , съ величеспвенною осанкою. —

Къ спаши объ рѣдкоспяхъ : чшобъ не забышь спарика , Докпора Л. . . . нашего сосѣда, оригинальнѣйшаго изъ оргиановъ ! Онъ познакомился съ нами въ пеашрѣ и на другой день зваль къ себѣ: *битѣ тай* ! Это значиль : пиль чай ; и увѣрляль насъ , чшо очень хорошо говориль *по Русски*, пошому чшо когда-то былъ въ *Польшѣ*. — Услужливость и добродушіе , иногда переходящія за предѣлы пристойности и приличія , соспавляютъ главную черпу въ его характерѣ : однажды опозванный внизъ къ А. А. . . . и не имѣя какъ-то при себѣ ключа, я просиль людей Давыдова посперечь мою комнату; это Л. . . . услышалъ и вызвался пробиль въ ней до моего возвращенія ; я съ начала совѣспился , но онъ меня принудиль согласилься. Л. . . . все знаель , вездѣ бываль, со всѣми знакомъ; приводиль Мнемозина. Ч. II.

къ вамъ купцевъ и предприимщиковъ ; продаетъ книги и картины ; предлагаетъ собственные услуги , хвалишь ваши знанія , говоришь и судишь о Полиціи , торговлѣ , Литературѣ , Астрономіи и башмачномъ искусствѣ ; ссылается на жену и дочь , какъ на свидѣтелей непреложныхъ , зовешъ васъ въ гости и душишь своими ласками и утѣшительною : словомъ это муха , помогавшая дорожнымъ Крылова и принявшая попомъ по Метампсихозѣ видъ маленькаго , толстаго спаричка и Доктора Медицины. —

Вчерашній вечеръ раздѣлилъ я между двумя женщинами , уже не молодыхъ лѣтъ , но до сихъ поръ плѣняющихъ своею любезностью : до семи былъ я у М. А. О...ской , а попомъ у Госпожи Фонъ деръ Реке. О . . . ская обворожила меня своимъ разговоромъ и безпреспанно напоминала мнѣ нашего Евгенія (*): она выражается совершенно , какъ онъ ; употребляетъ почти тѣ же слова , переходить съ шюю же легкостью отъ предмета къ предмету. — Особенно полюбилъ я ее за ея знаніе Опече-

---

(*) Поэза Баратынскаго.

спвенной Словесности : здѣсь въ Дрезденѣ нашель я женщину знающую Дмипріева , Крылова, Державина, гораздо лучше , чѣмъ многія изъ нашихъ Петербургскихъ дамъ и двушекъ. —

У Госпожи Фонъ деръ Реке вчера читали новую книгу , въ кошорой Фоссъ обнаруживаешъ мѣры , употребленія Графомъ Ф. Леопольдомъ Шпольбергомъ, чшобы преклонить къ Каполической церкви часть Датскихъ подданныхъ; въ заключеніи Фоссъ оправдываешся въ томъ, что пишешъ прошиву своего бывшего друга; рассказываетъ исторію ихъ связи, ихъ постепеннаго, взаимнаго охлажденія и наконецъ перехода Шпольберга къ Каполической церкви. Не смотря на то, что Фоссъ о своемъ несчастномъ другѣ говоритъ иногда въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, я о Шпольбергѣ болѣе жалѣлъ, нежели осуждалъ его. — Вездѣ являешся въ его исторіи душа прекрасная, только искаженная придворною жизнію и предразсудками знашнаго Дворянства. — Фоссъ напрошивъ иногда слишкомъ холокъ и суровъ, и мѣсшами достоинь осужденія, пошому что говоритъ о вещахъ, о кошорыхъ не долженъ бы упо-

минашь, по крайней мѣрѣ изъ благоговѣнія къ ангелу Агнесѣ, къ милой, прелесной первой супругѣ несчастнаго Шпольберга: она мирила и соединяла ихъ, когда еще при жизни ея раздраженное соревнованіе и обиженное самолюбіе угрожали разторгнувъ союзъ ихъ. — Съ ужасомъ слушалъ я исторію двухъ друзей ставшихъ врагами: забудемъ, друзья мои, всѣ непріятности, которыя когда-нибудь были между нами! будемъ снисходительны къ мнѣніямъ и слабостямъ каждаго изъ насъ и дадимъ слово другъ другу, что станемъ любить нашихъ братьевъ, не спрашивая во всемъ ли ихъ образъ мыслей сходенъ съ нашимъ! —

Кюхельбекеръ.

~~~~~

VI.

Э Л Е Г І Я.

Мой другъ, я испошилъ бесплодное спаранье!
 Мнѣ звука прежняго въ спрунахъ не пробуждашь;
 Сковало ихъ упорное молчанье
 И пламенный восторгъ опвыкъ ихъ потрясать.
 Я въ горести нѣмой смопрю на лавръ далекой,
 Какъ воинъ раненой на подвиги другихъ.
 Соперники мои бѣгутъ къ мешъ высокой. . . .

А я одинъ опсталъ опъ нихъ.

Спыжусь бездѣйствія, но дѣйствовать не въ
силахъ!

Всѣ мысли, чувства всѣ, любовь сожгла во мнѣ;

Она кипитъ въ горящихъ жилахъ;

Она опъемлетъ сонъ, иль въ безпокойномъ снѣ

Волнуетъ грудь мою жеманьемъ безпредмет-
нымъ. . . .

Давно ль я жаждою извѣспности пылалъ?

Давно ли мысли препеталъ

По смерти лечь подъ камнемъ непримѣш-
нымъ? . . .

Алина, я тогда еще не зналъ себя!

Я не горѣлъ огнемъ неукрошимымъ;

Не зналъ блаженства—быть любимымъ

И не слышалъ о щастьи — жить любя!

Но ты предстала мнѣ — и я просился съ
славой,

И щастливой любви пожертвовалъ молвой

И недѣлимое съ побой

Безсмертье было бъ мнѣ оправой! . . .

П. . . . б.

VII.

ПѢСНЬ СТРАДАЛЬЦА

Рано ты свѣшило

Упромъ озлашило

Ясный небосклонъ.

Снявъ ночныя тѣни,

Изъ смиренной сѣни

Рано гонишь сонъ!

* * *

Пусть сводъ неба чистый,

Пусть и лугъ росистый

Съ влажною тропой;

Тихъ и боръ дремучій,

Парь одинъ лешучій

Бродитъ надъ рѣкой.

* * *

Какъ подъ кровлей хилой,

Здѣсь младенецъ милой,

Беззаботно спитъ,

Окруженъ мечтами,

И сквозь сонъ уснами

Призраки манитъ.

* * *

Будь мой другъ спокоенъ,
 Будь сей міръ устроенъ
                   Къ радости твоей!
 Мнѣ жь велишь спрѣданье
 Упреждашь сіянье
                   Утреннихъ лучей!

* * *

Пробудься со мною,
 Рѣзвою толпою
                   Насѣкомыхъ рой,
 На зарѣ кружится,
 Жажда насладисьен
                   Краткою весной.

* * *

Ихъ живая младость,
 Ихъ любовь, ихъ радость
                   Все — не долше дня!
 Но какъ знашь, быть можешь,
 Имъ судьба положитъ
                   Пережить меня!

А. Мансуров

~~~~~

III.

ПРОКЛЯТІЕ.

Проклятъ, кто оскорбитъ Поэта
 Богамъ любезную главу!
 На грозный судъ его зову!
 Онъ будетъ посмѣянемъ свѣта!
 На крыльяхъ гнѣвнаго стиха
 Помчится спыдъ его въ потомки! —
 И мзда ему ихъ хохотъ громкій
 И не искупитъ онъ грѣха!
 Напрасно въ мукахъ покаянья
 Онъ съ воплемъ ниспадетъ во прахъ;
 Пусть призоветъ печаль и страхъ,
 Пусть на пѣвца пошлетъ страданья; —
 Равно безспрашенъ и жестокъ,
 Свой слухъ зашворитъ заклинанью,
 Предастъ злодѣя поруганью
 Священный, пламенный, пророкъ! —
 Пройдетъ близъ сумрачнаго гроба—
 Пришлецъ поспѣшною ногой
 И покиваетъ головой:
 Тамъ смрадно изплѣваетъ злоба!
 А въ жизни рабъ или ширанъ,
 Поэта гнусный оскорбитель,
 Нѣтъ, извергъ, не тебѣ былъ данъ
 Восторгъ, безсмертья похититель!
 Всѣ дни твои тяжелый сонъ!
 Ты Музъ и пѣсни ненавидишь:

Ты знаешь роковой законъ
 И ужь свое безчестье видишь!
 Но бодро радостный пѣвецъ
 Чело высокое подѣмлетъ,
 Беретъ спрадальческій вѣнецъ
 И мѣсто межъ Боговъ приемлетъ!—

Кюхельбекеръ.

IX.

АФОРИЗМЫ ИЗЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПО ЧАСТИ СОВРЕМЕННАГО ГЕРМАНСКАГО ЛЮБОМУДРІЯ.

Нѣтъ труда тягостнѣе и бесполезнѣе упражненія въ однихъ опытныхъ знаніяхъ, безъ всякаго выстаго на нихъ воззрѣнія.— Отъ сего обыкновенно бываетъ, что люди съ отличными дарованіями, предаваясь всѣмъ возможнымъ наукамъ, спремаясь по всѣмъ направленіямъ безъ порядка, безъ опредѣленныхъ, изъ безусловныхъ началъ выведенныхъ законовъ, — ни въ чемъ не проникающъ до самаго зерна, могущаго служить корнемъ многостороннему и безконечному образованію. — Еще счастливы;

когда послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній убѣдялся, что на многое ирапили время напрасно, а пренебрегали существеннымъ. Опъ сего - шо не рѣдко и бываетъ, что юноши съ душою пламенною, способною къ умспвованіямъ возвышеннымъ, пораженные замѣшательствомъ и явными прошиворѣчіями, существующими въ опышномъ образѣ преподаванія, начинаютъ довѣрять недоспойнымъ, имѣющимъ о наукахъ понятія низкія, пипающимъ непримиримую ненависпъ къ образованности.

Цѣль науки — сама наука — нѣспъ для нее другой внѣшней цѣли. — Но обыкновенно случается, что при опредѣленномъ занятіи какою-либо особенною наукою, забываютъ всеобщее образованіе, при спремленіи сдѣлашся законоискусникомъ, врачомъ или воиномъ—оспавляютъ высшее назначеніе учености: *облагородствованіе, возвышеніе духа наукою*. Таковыя почишаютъ науки средствомъ, а поспунки—цѣлію, и имѣютъ о первыхъ только шо понятіе, которое получили изъ ежедневныхъ дѣлъ и побужденій. По ихъ мнѣнію знанія потому только и хороши, что могутъ служишъ

средствомъ для нѣкоторыхъ дѣйствій :
 Философія научаешь ихъ исполнять въ
 жизни свои обязанности, потому имъ поль-
 ко и нужна Философія. Они производяшь
 ее не изъ свободной необходимости духа ,
 но подчиняюшь понятію, данному имъ нау-
 кою. — У нихъ вообще наука служишь къ
 тому полько, чшобъ поле было засѣяно, —
 ремесла усовершенствовались, или чшобъ
 чшобъ поправишь свои испорченные соки.
 Математика, по мнѣнію ихъ, — прекрасная
 наука, не потому, что она естъ числѣй-
 ная очевидность, вещественное отраже-
 ніе самаго разума, но потому, что учишь
 измѣрять поле и строишь дома, или на-
 конецъ способствуешь морской торговлѣ, —
 уменьшаешь же ея цѣну, по мнѣнію ихъ,
 то, что она полезна и для войны, а война
 пропивна общему человѣколюбію. Филосо-
 фія часто служишь для послѣдняго—т. е.
 помогаешь вести войну пропиву заражен-
 ныхъ головъ, пропивъ защитниковъ низ-
 каго своекорыстія въ наукѣ — и потому
 то по ихъ мнѣнію достойна отверженія.

Надежнѣйшимъ средствомъ пропивъ
 односторонности образованія—можетъ слу-

жипь изученіе наукъ , болѣе общихъ : Математика возносишь духъ къ чистымъ , умственнымъ познаніямъ , отдѣльнымъ отъ матеріи. Любомудріе , объемлющее цѣлаго человѣка , касающееся всѣхъ сторонъ природы его — еще болѣе можетъ освободить духъ отъ ограниченности односпоронняго образованія и возвыситъ его въ область всеобщаго , независимаго.

Изученію какой - нибудь *особенной* части должно предшествовать познаніе *всеобщаго* чертежа наукъ. Посвящающій себя на изученіе какой-либо *Отдѣльной* науки , долженъ знать мѣсто ея въ *Цѣломъ* , духъ ея оплечающій , долженъ знать , какимъ образомъ сія наука , будучи *Особенною* , *Частною* , сливается съ гармоническимъ зданіемъ *Цѣлаго* , знаетъ самое построеніе сего *Цѣлаго* , знаетъ способъ , какъ приняться за сію *отдѣльную* науку , дабы заниматься ею не рабски , но свободно — обнять оную въ духъ *Цѣлаго*.

Отсюда ясно , что истинное ученіе можетъ произойти только отъ *дѣйствительнаго* и *почнаго* познанія *живой* связи всѣхъ

наукъ , что безъ сего всякое направленіе мертво, бездушно, односторонно и ограничено.

Таковое познаніе никогда можетъ быть сполько не было нужно , какъ въ настоящее время, когда и въ наукахъ и въ искусствахъ все, кажется, быстрѣе спремится къ единству , когда въ область его включается самое отдаленное, когда всякое потрясеніе въ его средоточіи, или около онаго , скоро и какъ бы непосредственно переходитъ во всѣ часпи и образуетъ новый органъ созерцанія болѣе общій и почти для всѣхъ предметовъ. — Такія времена пройдутъ ли не породивъ новаго свѣта? не принимающіе дѣятельнаго въ ономъ участія, въ ничтожествѣ погребутся. Особенно лишь свѣжимъ, неиспорченнымъ силами юнаго міра поручено быть можетъ охраненіе и образованіе споль высокаго дѣла. — Никто не можетъ быть исключеннымъ отъ содѣйствія , ибо всякая отрасль пребудетъ совершеннаго возрожденія. — Дабы начать съ успѣхомъ — потребно, чтобы каждый, проникнутый духомъ Цѣлаго, взиралъ на свою науку, какъ на членъ органическій, и зналъ бы назначеніе онаго въ

образующемся мірѣ.—Сего доспигалъ каждый долженъ въ то время, когда еще не закоренѣлъ въ застарѣлыхъ формахъ, и когда опъ продолжительнаго вліянія безразсудства другихъ или собственнаго своего, не погасли въ немъ искры божественныя — слѣдовательно въ ранней юности.

Опъ кого же должно пребывать сего познанія, на кого положиться въ семъ отношеніи?—Болѣе всего на самаго себя и на добраго Генія, коего руководство не обманчиво; далѣе на тѣхъ, кои по своей Особенной, Частной наукѣ ощущаютъ потребность въ высшихъ и всеобщихъ свѣденіяхъ о Цѣломъ въ наукахъ. Кто самъ не постигаетъ общей Идеи оныхъ, тотъ безъ сомнѣнія не можетъ возбудить ее въ другихъ: кто посвящаетъ свое трудолюбіе, впрочемъ достойное уваженія, какой-нибудь подчиненной, ограниченной части, тотъ никогда не возвысится къ созерцанію органическаго Цѣлаго.—Таковое созерцаніе какъ въ *Общелѣ* можетъ произойти только опъ науки наукъ—опъ *Любомудрія*, такъ и въ *Частноелѣ* принадлежитъ одному любомудру, коего Особенная, Частная наука, есть безусловно всеобщая и коего всѣ

спредленія обращены на всеобщность познанія.

Но что есть сія Идея наукъ? что есть сіе единое безусловное знаніе, которое раздѣляясь на вѣтви по различнымъ степенямъ проявляющагося идеальнаго міра, образуетъ неизмѣримое древо познанія? — Какъ знаніе всякаго знанія — оно должно удовлетворять всѣмъ возможнымъ случаямъ безъ всякаго исключенія (*). Сего предспавимъ себѣ не лзя безъ высшаго предположенія, что истинно *Отвлеченное* (Идеальное) безъ всякаго другаго посредства есть истинно *Вещественное* (Реальное) и внѣ онаго нѣтъ другой вещеспвенности. —

Сіе пождество Вещеспвеннаго съ Опвлеченнымъ—какъ бы по инспинкту—служитъ всегда основаніемъ тому, что въ различныхъ наукахъ обыкновенно говорится

(*) Вотъ почему системы, подверженныя исключеніямъ, какъ пустыя предположенія, догадки—въ обласпи наукъ не должны имѣть мѣста. Таковы всѣ опысныя системы. — См. Мн. Ч. стр. 63.

объ общихъ законахъ вещей или Природы. — Всѣ хопяшъ, чшобы непоняшное въ Часпныхъ явленіяхъ — имѣло ясность, очевидность Общаго умстпеннаго возрѣнія; допускающъ пождество Опвлеченнаго съ Вещеспвеннымъ въ ограниченныхъ сферахъ знанія, для какого-либо Особеннаго случая: но возможно ли сіе допуститъ, не допуская онаго пождества въ Общей сферѣ знанія и для *всѣхъ* случаевъ?

Такъ Геометръ основываешъ свою науку на семъ единствѣ Вещеспвеннаго съ Опвлеченнымъ, ибо, доказывая напр. что во всякомъ пріугольникѣ сумма прехъ угловъ равняется двумъ прямымъ, — онъ беретъ свои доказательсва не опъ сравненія съ какими-либо именно пріугольниками, — но опъ *Идеала*, Опвлеченія (опредѣленія); онъ знаетъ сіе изъ самаго знанія, которое совершенно опвлеченно, и попому совершенно вещеспвенно.

Въ Машемашикѣ пождество Опвлеченнаго съ Вещеспвеннымъ весьма очевидно: на пр. въ Идеѣ пріугольника, или иначе въ опредѣленіи онаго заключающся всѣ пріугольники, безъ означенія однако же именно какого-либо Конечнаго, часпнаго пріуголь-

ника. Для осуществленія Идеи приугольника, она необходимо должна опраципсь въ опредѣленномъ, *частноиѣ*, въ какомъ-либо равнобедренномъ или равноспороннемъ приугольнике: однимъ словомъ должна разрознипсь въ многоразличіе, ироавипсь въ Конечности. — На оборотъ всѣ особенные приугольники, вмѣспѣ взяпые, совершенно равны своему опредѣленію, иначе *отвлеченному* приугольнику; расиространимъ сіе предложеніе и тогда получимъ: Вещеспвенное равно Опвлеченному; Вещеспвенное еспѣ по же Опвлеченное, но только разрозненное, сдѣлавшееся Конечнымъ; всѣ Конечные равны высшему Идеалу. Вещеспвенное и Опвлеченное одно и по же, только въ двойспвенной формѣ. Опвлеченное еспѣ по же Вещеспвенное, только заключенное въ формѣ безпредѣльной, вѣчной, цѣлостной; Вещеспвенное еспѣ по же Опвлеченное, только подъ формою часпною, многоразличною. Въ обѣихъ — безконечность: въ Вещеспвенномъ безпредѣльность особенныхъ формъ; въ Опвлеченномъ — одна безпредѣльная форма; здѣсь — вѣчность, шамъ — безконечность.

Идея сего совершеннаго единства Опвлеченнаго съ Вещеспвеннымъ—еспъ *Абсолютъ*. Сія идея опразилась и въ насъ — и наше знаніе въ цѣлости своей должно бышь ея оппечаткомъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идепъ не о частныхъ наукахъ, уже уклонившихся опъ общей цѣлости, опъ своего Идеала; но всякое частное знаніе, всякая опдѣльная наука — заключается въ ономъ, какъ органическій членъ, и попому всякое знаніе недѣйспвительнo, ничтожно, если начала своего не ведепъ опъ первоначальной идеи всѣхъ знаній.

Въ сей почки зрѣнія должно созерцать всякую опдѣльную науку — дабы оную обнимапъ съ пѣмъ высшимъ вдохновеніемъ, которое называютъ Геніемъ ученности. Всякая мысль не въ духъ сего высочайшаго единства сама по себѣ пуста и должна бышь опвергнута. То, что гармонически не можетъ принадлежать — къ сему дѣятельному, живому Цѣлому, то еспъ только мертвый наростъ, который по законамъ организма рано или поздно испребится; въ самомъ дѣлѣ въ царствѣ Наукъ довольно прущей, кои, не имѣя способности пворить, лишь производяпъ

внѣшніе наросты и стараются болѣе и болѣе распроспранять оппечашки своего бездушія.

Исторія Философіи повѣспвуепъ намъ о Пиагорѣ, что онъ до него сущеспвовавпее названіе науки *σοφία* — мудрость замѣнилъ словомъ *φιλοσοφία* — любовь къ мудрости, ибо единъ Богъ премудръ. — Какова бы ни была истина сего историческаго сказанія, но самое измѣненіе сего имени не показываепъ ли, что всякое знаніе еспъ пріобпценіе пому первоначальному Знанію, коего — оппраженіе еспъ видимая вселенная и коего испочникъ — начало вѣчнаго могущеспва? — На пому же основаніи, что Знаніе едино и всякая часть онаго, соспавляепъ его органической членъ, всѣ науки и роды знанія сущъ части Единого Любомудрія, иначе спремленія къ первоначальному Знанію, къ Всесовершенному (*).

(*) Съ сей стороны должно разспатривать просвѣщеніе, а не вести его необходимость опъ мѣлкихъ вещеспвенныхъ пользъ; упверждаепся на шой зыбкой основѣ, что науки должны

Но все, что непосредственно происходитъ изъ безусловнаго, совершеннаго, — есть само безусловно, совершенно, и не имѣетъ цѣли внѣ себя, но само себѣ есть цѣль. Знаніе въ своей цѣлости — есть безусловное отраженіе вселенной, а бытіе, Природа — его второе проявленіе. — Въ области Вещественнаго владычествуетъ Конечность, въ области Отвлеченнаго — Бесконечность. Первое зависитъ отъ необходимости, второе отъ свободы. Человѣкъ, какъ существо разумное опредѣленъ бытіемъ дополненіемъ міроявленія, изъ его дѣятельности развивается дополненіе къ цѣлости проявленія Всесовершеннаго, ибо, хотя Природа и отражаетъ его, но лишь вещественно, существо же разумное — отражаетъ самую сущность Абсолюта, слѣдственно — отвлеченно.

(Продолженіе будетъ).

О д в с к ъ.

имѣть единою цѣлю — удовлетвореніе мірскимъ нуждамъ, трудно защитить образованность отъ обвиненія во вредѣ будто бы ею производимомъ.

О д.

X.

В Е Ч Е Р Ъ.

И люблю вечерній пиръ ,
Гдѣ веселье засѣдапель ,
А свобода, мой кумиръ ,
За столломъ законодатель ;
Гдѣ до ушра слово: „пей!“ —
Заглушаетъ крики пѣсень ,
Гдѣ просторенъ кругъ госней ,
Но кружокъ бушылокъ пѣсень! —

А. Пушкинъ.

XI.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:
МАРІЯ СТУАРТЪ.

*(Бурлей въ предыдущемъ явленіи убѣждалъ
Елисавету подписать смертный приговоръ
Маріи: Королева колебалась.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурлей, Елисавета, Мельвиль и
Лейчестеръ.

Мельвиль.

. . . . . Чпо я зрю и чпо предпринимаешь?

Бурлей.

Препяшство новое!

Мельвиль.

Спрахъ не напрасенъ мой!

Елисавета.

Мельвиль! всѣ требуюшъ....

Мельвиль.

Кпо власшенъ кадъ тобой?

ЕЛИСАВЕТА.

Хотяжь, чпобъ приговоръ я утвердить рѣшилась!

МЕЛЬВИЛЬ.

Уже ль покорствовать рабамъ ты согласилась?
 Но ты въ смятеніи, но ты оскорблена,
 Ты помнишь топъ ударъ, которымъ сражена —
 И избрала сей часъ для важнаго рѣшенья! —
 Ахъ! жди въ спокойныя минуты размышленья....

БУРЛЕЙ.

Такъ жди, чпобъ плѣнница, насыпивъ меспи жаръ,
 Смертельный на тебя обрушила ударъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Спокрапъ спасенная Всевышняго десницей,
 Въ немъ обрѣтешъ всегда защиту предъ убійцей!
 Твои совѣтники несправедно рекутъ,
 Когда Маріи жизнь опасною зовушь:
 Опасна смерть ея! Живешъ—ошъ всѣхъ забвенна;
 Умрешъ — и мстителей исполнится вселенна,
 И въ памяти тогда исчезнешъ Англичанъ,
 Чпю ихъ законъ едва Маріей не погранъ;
 Но правъ ея святыхъ вспомнятъ оскорбленье
 И крови Генриха позорное плѣненье.
 Тамъ, памъ, гдѣ нынѣ ты среди народа волнь
 Текла—и онъ шумѣлъ окреспъ, воспорга полнь,
 Гдѣ клики радости швой слухъ увеселяли,
 Гдѣ взоры свѣтлыя очей швоихъ искали;

Тамъ завпра обрѣтешь повсюду страхъ нѣмой,
 О чувствахъ подданныхъ сей голосъ роковой,
 Сіе безмолвіе, въ народахъ знакъ спокойный,
 Что ихъ властители любви недоспойны.
 Нѣтъ! не захочешь ты дѣянiемъ такимъ
 На вѣкъ позоръ нанести безсмертнымъ днямъ
своимъ;
 Нѣтъ! усрашишься ты, что міра гласъ прав-
дивой,
 Царей въ могилахъ ихъ судя небоязливо,
 Между несчастныхъ жерпвъ Марію наречешь,
 Что смерть ея въ ряду злодѣйшпвъ познаешь
свѣтъ;
 Что обвинители твои, пылая местию,
 Но заглушенные теперь шумящей лестію,
 Бытописаніямъ безжалостнымъ на судъ
 Елисаветы дни изъ гроба воззовуть!
 Содроглась ты.... къ стопамъ священнымъ упадаю
 И за себя въ сей часъ тебѣ же умоляю!

Елисавета.

Къ какимъ спрдааньямъ я, Мельвилъ, обрѣчена!
 За чѣмъ опъ рукъ убійць мнѣ жизнь сохранена?
 За чѣмъ усердныхъ длань ихъ подвигъ удержала?
 Тогда бы кончилъ все одинъ ударъ кинжала,
 Тогда бъ я не была споль жалкою въ сей часъ!
 Виновныхъ позабывъ, упрековъ не еспрашась,
 Тяжелый свергнувъ санъ съ души моей безсильной,
 Почила бъ мирно я во мрачности могильной!

Я жизнью и вѣнцемъ, Мельвиль, упомена!
 Когда Маріи смерть спасти меня должна,
 Когда одной изъ насъ назначено судьбою
 Не вмѣстѣ на землѣ существовать съ другою —
 За чѣмъ Маріи пасть? за чѣмъ, душой уславъ,
 Я ей не уступлю моихъ наслѣдныхъ правъ?
 Пусть ей державу дастъ народное избранье —
 И завтра же теку въ то древнее изгнанье,
 Гдѣ я, далекая отъ скорбной суеи,
 Безбурной юности вкусила вѣкъ злшый;
 Гдѣ я, далекая отъ блеска и разврата,
 Была въ самой себѣ величіемъ богата!
 Мельвиль! умѣла я народомъ управлять,
 Доколь могла однѣ щедроты изливать;
 Но должно ихъ пресѣчь и я цѣною сею
 Короны не куплю: казнишь я не умѣю!

Бурлей.

Безмолвенъ буду ль я, внимая симъ словамъ?
 Британцамъ гибнущимъ я ль помощи не дамъ?
 Елисавета ли вѣщала здѣсь предъ нами?
 Ты ль, свой народъ любя, грозишь ему бѣдами?
 Тебѣ ль спокойной бышь, какъ подданныхъ покой
 Еще не утверждень незыблемо тобой?
 Ты намъ принадлежишь; мы счастливы дополъ,
 Доколь, надежда всѣхъ, ты будешь на престолѣ!
 Иль при Маріи здѣсь воскреснушь предковъ дни,
 Когда подъ властью Папъ не знали благъ они?
 Иль придутъ вновь рабы законовъ, Римомъ данныхъ,

Здѣсь храмы зашворяшь, развѣчиваешь вѣчныхъ?
 Помысли о числѣ грядущихъ нашихъ бѣдъ;
 Воспомни, дашь за нихъ всей Англїи опивѣшь
 И Богу! — На чредѣ священной, многопрудной,
 Будь менѣ слабою, но болѣ правосудной!
 Будь сострадашельна къ народу, не къ врагамъ;
 Не робкимъ женщинамъ, подобна будь Царямъ!
 Прерви печеніе безчисленныхъ раздоровъ,
 Прерви всѣ ужасы о вѣрѣ давнихъ споровъ,
 И ковы тайные и древнюю борьбу,
 Которую Стюартъ лишь прекратилъ въ гробу:
 Всесильной дланію твоей удержи надъ бездною
 Законы, вѣру, шронъ и свой народъ любезной!

ЕЛИСАВЕТА.

Да удалятся всѣ! Хочу на единѣ
 Всесильнаго Судью призвать на помощь мнѣ:
 Невѣденіе людей Его не омрачаетъ
 И Онъ, Единный Онъ путь правды освѣщаетъ!

(Лорды удаляются во глубину театра, Лейтестеръ и Мельвиль, отходя, смотрятъ на Корслеу, кажется, безъ надежды).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕЛИСАВЕТА.

О всенародный гласъ! ты, властелинъ людей!
 Тиранъ неистовый, спѣсняющій Царей!
 Давно скучаю я, влекомая всѣмъ міромъ
 Смиряться передъ симъ презрѣннымъ мнѣ кумиромъ:
 Иль рабствовать Цари народу рожденья?
 Иль черни угождать на пронахъ мы должны?
 Иль, скованная вѣкъ болѣзнію своею,
 Желанья не свершу, которымъ пламеню?

Я воцарила міръ среди подвластныхъ мѣстъ,
 Но буря и досель свирѣпствуетъ окрестъ:
 Пріязнь коварную ко мнѣ питаютъ Галлы;
 Воскресъ среди морей Испанецъ неуспалый;
 Бросаетъ грома Сиксипъ; мяшежниковъ союзъ
 На вѣки разорвать напрасно я спремлюсь;
 Спуартъ, нескрытая своей темницы мракомъ
 Вездѣ мнѣ предстоитъ губительнымъ призракомъ!
 Не время ли ей пастъ законовъ подъ мечемъ?
 Мой страхъ окончится преступницы концемъ;
 Я царствовать начну спокойно, безопасно.
 Жить болѣ не могу, терзаясь ежечасно!....
 Мнѣ ль препешать вѣковъ за мщенье врагу?....
 Когда же славы я моей не собрегу....
 Уже мой видитъ взоръ намъ грозное попомство,
 Уже мой внемлетъ слухъ судящихъ вѣроломство:
 Марія женщина, несчастлива и въ ней
 Течетъ святая кровь родныхъ мнѣ Королей;
 Въ темницѣ двадцать лѣтъ мнѣ равная спрдала;

Довольно скорбь ее за всѣ вины карала!
 Вотъ зависть нѣкогда что въ мірѣ повторишь.
 Но какъ! мнѣ смертію пресупница грозить,
 Мой обольстила дворъ и, сѣя заговоры,
 Отъ подданныхъ моихъ неправдѣ ждетъ опоры!...
 Ктобъ думалъ? Лейчестеръ... но пренеци, злодѣй!
 Испытанъ будешь ты, спокойнымъ быть умѣй.
 А я помилую!... Нѣтъ, смерть! прочь нерѣшимость!

*(Приближается къ столу, на
 которомъ лежитъ приговоръ
 Маріи; хотѣтъ подписать, но
 вдругъ останавливается).*

Одна черша... но ахъ! моя неколебимость
 Меня покинула... Въ рѣшительный сей мигъ
 Трепещетъ длань моя; сколь ужасъ мой великъ!
 Мнѣ кажется, что міръ стоить передо мною,
 Что я ражу ее — сей самую рукою!
 Могу ли довершить? могу ль.... *(Молчаніе).*

Она предъ нимъ
 Дерзнула пренебречь величіемъ моимъ!
 Съ какой мнѣ гордостью обиды распочала!
 Ему казалось — она поржесивовала! —
 Напрасенъ гнѣвъ ея, ея беспильна мечь!
 Мой, мой ударъ вѣрнѣй: онъ долженъ смерть
 нанести!

(Хватаетъ съ жадностью перо).

Я незаконный плодъ, корону посрамляю,
 Я шронъ похитила, Бришанцевъ угнѣтаю —

Несчастливая! умрешь и оправдаюсь я;
 Избранье между насъ разрушитъ смерть пвоа!
 Такъ, да не будетъ ввѣкъ сомнѣнья никакого,

*(Подписываетъ быстро и рѣши-
 тельно).*

Законная ли дочь я Генриха осьмага!

(Перо выпадаетъ изъ рукъ ея и она, какъ бы испуганная, бросается въ кресла. Тотчасъ приходитъ въ себя и подаетъ знакъ пажамъ, чтобъ впустили Лордовъ, которые находятся внѣ залы, но все въ виду зрителей).

Н. Павловъ.

XII.

Е Л Л А Д И Й.

(Картина изъ свѣтской жизни).

Было время, вы не помните его; друзья мои; было время, когда въ Москвѣ бѣлокаменной — живъ за Москворѣчьемъ почипалось такимъ же преступленіемъ, какъ шеперь явись на балъ въ песпромъ жилешъ. Въ епо счастливое время дѣвущки еще не читали Французскихъ романовъ, попому, что плохо читашь умѣли, а молодые люди почипали чинъ Сержанш. гвардіи — цѣлю чловѣческой жизни. Въ общеспвахъ парижки и кафшаны вѣка Людовика XIV такъ же спорили съ грубымъ невѣжеспвомъ, какъ шеперь выученный наизуспъ имена Французскихъ писапелей споряшъ съ шѣмъ же невѣжеспвомъ; во многихъ домахъ не было другой книги, кромѣ календаря и шо купленного для предузнанія погоды, ешаго камня, на которомъ до сихъ поръ еще изощряется Московское

краснорѣчіе, а на споллахъ словесниковъ перечисывался Кургановъ Письмовникъ.

Въ епо время славилася въ Москвѣ своею красою и знапностію Княжна Алина Б... Тысячи жениховъ вилися во-кругъ нее — но родители Алины, надупые количесвомъ знапной родни своей — никого не находили достшойнымъ руки ея.

Между тѣмъ наспала другая эпоха Московскаго образованія. — Понизилася дамская прическа, обрѣзалися мужскія косы; уже дѣвушки начали пряпашь подѣ пальцами бѣдную Лизу, Царевну и Горбуна; молодые люди спали поговаривашь, что можно служишь и не для однихъ чиновъ, но еще нѣжные родители называли ихъ за по беззаконниками, — еще власшь родительская проспиралася за предѣлы власпи человѣческой, еще сморѣли съ какимъ-то ужасомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ на того, кто умѣль смасперить мадригалець.

Въ Москвѣ явился Графъ Ліодоровъ. Проведши молодость свою въ Парижѣ, или, лучше сказашь, въ Палероялѣ — онъ привезъ въ опечество лишь испощенное здорье и новой фасонъ для галстуховъ.

Судьба, пробѣжавши съ нимъ полвѣка, сдѣлала изъ него странное смѣшеніе образованнаго съ невѣждою, но въ обоихъ выбрала худшее! — Она дала Графу ту увѣренность въ собственномъ достоинствѣ, которая сколько позволена, необходима даже просвѣщенному, и опияла лучшую принадлежность просполюдима — простоту нравовъ. Словомъ, Графъ Ліодоровъ былъ какъ бы предвозвѣспникомъ, обрацикомъ — благородной черни нашего времени.

Когда и въ наше время, благородная чернь играетъ столь важную роль на свѣтѣ, мудрено ли, что тогда Ліодоровъ всѣхъ ослѣпилъ своимъ ложнымъ блескомъ? — Едва обратилъ онъ взоры на Княжну Алину — спарушки захопопали — и осьмнадцатилѣтняя красавица сдѣлалася, почти не зная, какъ... Графинею Ліодоровою.

Прошекли годы, — уже ничѣмъ не побѣждаемое оружіе Сапиры покрывало срамомъ старыя предразсудки, уже новыя, благородныя мысли бродили вездѣ съ большимъ успѣхомъ; — не знаю, какъ пробрались они сквозь шарканья старыхъ придворныхъ, сквозь безмысленныя полкованія и Французскія полуостропы свѣт-

скихъ автоматовъ, но еши мысли доспигли ушей Графини. Не помогла ли имъ скучная бесѣда спараго мужа, — не знаю, но полько вдругъ Ліодорову разлюбили родныи спарушки, — Ліодорову, которую онѣ почитали чудомъ міра: — къ одной она не поспѣла на имянинный обѣдъ, къ другой на рожденъе проюродный внучки-любимицы— сколько предметовъ для различныхъ полковъ и пересудовъ!

„Чтожь сдѣлалось съ Ліодоровой?“ спросите вы: я удивлю васъ, друзья мои! Она вдругъ почувспвовала ужасную пустошу ее окружающую: свѣтскій вихрь ей наскучилъ, предчувспвіе, что будетъ скоро матерью поразило ее: она успыдилась душевной нагопы своей и съ необыкновенною бодростію, успремилась совершить забытое воспитаніемъ. — Трудно подумать, чтообы женщина принялась за то, будучи окружена полною тварей безсмысленныхъ; но вѣрьте мнѣ, или не вѣрьте, духъ времени на полетѣ къ немнимои цѣли своей, какъ бы дожидается въ нѣкоторыхъ людяхъ, одаренныхъ свыще, минуты иѣлеснаго ихъ развишія и вдругъ, когда даже сами они не замѣчаютъ того, какъ быспрее

пламя, мгновенно возникаетъ въ нихъ, — производить бури душевныя и далеко уносятся изъ прежняго ихъ, пѣснаго круга.

Графъ, придерживаясь старинной Французской меподы видѣль въ женѣ своей женщину — и пошому должностію почиталъ бытъ съ ней любезнымъ, иногда волочился за нею, какъ и за всѣми женщинами, а впрочемъ никакъ не входилъ ни въ образъ жизни ея, ни въ занятія. Однажды шолько, взявъ у ней изъ рукъ шомъ Державина и, небрежно перевертывая лиспки — онъ спросилъ съ полуважнымъ Французскимъ видомъ: „*Tout cela est du Russe?*“ — и не дожидаясь отвѣта принялся справляться въ Парижскихъ газетахъ о здоровьи Папы.

Между тѣмъ беременность Графинина возроспала. Чшобъ избавишься отъ скучныхъ обрядныхъ посѣщеній, она отправилася въ подмосковную на ешо время и шамъ произвела на свѣтъ близнецовъ—мальчика и дѣвочку.

Графъ оспался въ Москвѣ — онъ былъ влюбленъ шогда въ новопрїѣхавшую Французскую Акпрису — но распроенное отъ распущества здоровье не на долго послужило безобразной шѣломъ и душою муміи.

Не проходишь и двух дней послѣ родовъ, какъ Ліодорова получаетъ изъ Москвы извѣстіе, что мужъ ея на смертномъ одрѣ и желаетъ еще разъ увидѣть ее. — Ліодорова забываетъ малюшокъ и слабость свою — и спѣшитъ въ Москву.

Не буду вамъ описывать ужаснаго зрѣлища ей представившагося. Чья жизнь была — непрерывное совершенствованіе, пому на землѣ знакомо небесное, потъ бодро оставляетъ прахъ земной, онъ привыкъ опрять его! — Но горе, горе оземленѣлому плѣломъ и духомъ! Жизнь не земная спрашиваетъ его, какъ грозное предвѣщаніе! — Одръ смертный его — одръ печалей!

Графъ скончался. Ему приготовили пышные похороны, домашній стихопворецъ написалъ ему девяностопную Епиграфию съ рифмами; спарушки пополковали много ли была огорчена Графиня во время погребенія — словомъ все дѣло шло своимъ чередомъ, какъ вдругъ ужасный ударъ снова поразилъ Ліодорову.

Деревенскій домъ, въ которомъ находились дѣти Графини ночью загорѣлся; все

было истреблено пламенемъ. Тщешно хотѣли спасти хопя несчастныхъ малюшкѣ, кормилица успѣла выхватить лишь одну дѣвочку — мальчикъ же былъ задавленъ подгорѣвшими спирилами.

Скорая поѣздка послѣ родовъ, видъ спрадальца, плачевная участь сына — все это вмѣстѣ повергнула Ліодорову въ болѣзнь ужасную.

У Ліодоровой былъ родственникъ и сосѣдь по деревнѣ — Добрынскій. — Ешопь Добрынскій былъ человекъ чудесный. Приштели Добрынскаго называли его чрезвычайно умнымъ, ученымъ, набожнымъ, благотворительнымъ, рассказывали о его добрыхъ дѣлахъ, шайно сдѣланныхъ, о трудахъ его, ночныхъ бдѣніяхъ; — добрыя спарушки полковали о немъ съ умиленіемъ, качая дрожащими головами, спавили его въ примѣръ молодымъ людямъ; молодые люди, какъ водилса, ихъ не слушали.

И шочно — казалось, что Добрынскій былъ соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Его скромность, умѣренность во всемъ даже

въ бездѣлицахъ превосходили всякое описаніе. Имѣя безнужное состояніе онъ жилъ въ маленькой, наемной комнашѣ; одинъ фракъ составлялъ весь гардеробъ его, сполѣшнія дрожки — весь экипажъ. Входя къ нему, вы бы удивились числѣннѣ и порядку всего васъ окружающаго; все на своемъ мѣстѣ; самая строгая Нѣмецкая точность не нашла бы ничего переспавившъ. Одинъ споль, нѣсколько въ безпорядкѣ заваленный книгами почти на всѣхъ языкахъ и, не забудьте, разогнутыми являлъ глубокія знамя, труды своего хозяина.

Скромный видъ его, тихая поступь, глаза, популненные въ землю, какая-то таинственность въ словахъ и поступкахъ, нѣрѣдка кидаемые быспрые взгляды — все ляли къ нему нѣкоторый страхъ и уваженіе. Дамы находили глаза его чрезвычайно пронцапельными, а вырывающіяся слова — многозначущими.

Но если заводился когда ученый споръ въ большемъ ли обществѣ, въ дружеской ли бесѣдѣ — Добрынскій наблюдалъ глубокое молчаніе, конечно опъ скромности; одна ироническая улыбка являлась на устахъ его. Сею улыбкою онъ часто приводилъ

въ смущеніе молодаго человѣка, иногда истинно образованнаго, но по неопытности имѣющаго все право недовѣрять своимъ знаніямъ.

Дамы изъ епой улыбки заключили многое. „Видишь ли какъ онъ ученъ, та с'êге,“ говорили онъ другъ другу — „даже спорить ни съ кѣмъ не хочешь!“

Но злые люди, хладнокровно на все смотрящіе, не слишкомъ вѣрли сему заключенію; полковали, что кто любитъ познанія, тотъ любитъ и говорить о нихъ, а что всегдашнее молчаніе также подозрительно, какъ несносна болливость. — На повторяемыя дамами слова Добрынскаго — что порядокъ въ комнатѣ, означаетъ умъ въ ней живущаго, отвѣчали, будто бы въ такомъ случаѣ, всѣ крестьяне Германіи были бы умище Гепшингенскихъ Профессоровъ. — Иные замѣчали, что большая часть книгъ лежала по цѣлымъ мѣсяцамъ разогнутыми на одной страницѣ, вѣроятно ошъ большаго вниманія чипашеля; — что даже пыль на нихъ показывала; другимъ же случилось какъ-то въ распахъ видѣль подъ Санкрипскимъ Лексикономъ съ пружинкою карту, а подъ Шпиллингомъ

конечно для справокъ, рукописную книжку: *Искусство дѣлать баламутѣ* (*); наконецъ нѣкоторые говорили, что Добрынскій погда только помогаешъ бѣднымъ, когда всѣмъ будетъ извѣстно, что имъ тайно добра сдѣлано.

Но что слушать хладнокровныхъ людей, которые обо всемъ судяшъ по своему и никакъ не хоняшъ согласишся съ общимъ мнѣніемъ! не ужъ ли мало того для удостовѣренія въ достоинствахъ Добрынскаго, что спарушки каждый день присылали лакеевъ съ приказомъ: кланяшся и спросишъ о здоровьи, а дамы не могли довольно надивишся его ученности?

Людорова не принадлежала ни къшой ни къ другой сторонѣ. Какъ женщина умная—она не видѣла въ Добрынскомъ, подобно другимъ, чего-то сверхъ естественнаго,—но какъ женщина—не имѣла довольно бодрости, чпобъ вопрошивишся его необыкновенной вкрадчивости, способности, копррую иногда имѣюшъ и самые ничтожные люди.

Добрынскій часто посѣщаль Людорову, во время ея болѣзни. Надобно замѣшишъ,

---

(*) Искусство подбирать карты.

чно онъ имѣлъ способность быти весьма перпльивымъ съ больными, угождашь имъ, поддѣлываешь ко всѣмъ ихъ капризамъ. Посредствомъ сего онъ приобрѣшалъ всеобщее почтеніе, а сверхъ того дружбу выздоровѣвшихъ, — видъ его напоминалъ имъ объ утѣшеніи, ими полученномъ.

Однажды, когда Графиня сдѣлалось уже лучше, онъ вошелъ къ ней съ корзинкою въ рукахъ. Какое-то удивленіе было начертано на лицѣ его. „Перспъ Божій!“ — входя сказалъ онъ съ шаинспвеннымъ видомъ: „перспъ Божій!“ — повпорилъ онъ, возведя глаза къ небу. — „Посмоприте, мою находку, Графиня!“

Тутъ онъ открылъ корзинку — въ ней лежалъ — двухнедѣльный мальчикъ. — „Сегодня,“ продолжалъ Добрынскій, „споя на всенощномъ бдѣнии, я думалъ о васъ, сударыня, о вашихъ ноперяхъ, и слезы умиленія кэпилися по лицу моему. Конечно, молишва мол была услышана. Возвращаюсь домой — и первый предметъ, предспавившійся глазамъ моимъ — еша корзинка. — Кпо принесъ его — неизвѣспно, но само Небо назначаешъ васъ быти матерью ешаго младенца. — Вы лишились сына — Небо вамъ возвращаешъ его.

Людорова взглянула на младенца, какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ ея — она приняла его: и сей-же младенецъ — былъ Елладій, юный другъ мой, — герой моей повѣсти.

Не буду упоминать васъ разговоромъ о первыхъ дняхъ Елладія. Вы довольно уже знаете Людорову — и потому можете судить, что она ничего не щадила для воспитанія его и Маріи своей дочери; можете судить, что это воспитаніе не было похоже на то, что благородная чернь называетъ у насъ воспитаніемъ. — Говорили вамъ еще о томъ, что Елладій и Марія, живъ вмѣстѣ, свѣклися, что привычка обратилась въ дружбу, дружба въ любовь — это вы найдете во всѣхъ романахъ, но вопль обстоятельство, не только въ нихъ обыкновенное: Людорова съ удовольствіемъ смотрѣла на такую связь между молодыми людьми. — Будучи превъше свѣтскихъ предразсудковъ, она видѣла въ Елладіи — не человека безъ имени, можете быть низкаго происхожденія, — но могущаго составить счастье Маріи, которое цѣнила дороже всѣхъ свѣтскихъ приличій.

Герою нашему исполнилось осьмнадцать лѣтъ. Тогда я познакомился съ нимъ. Какъ теперь смотрю на Елладія! — Видъ юноши былъ шочнымъ изображеніемъ души его: на лицѣ Елладія самонадѣяность и скромность быспро смѣняли другъ друга, а сквозь умный, часпо задумчивый взоръ его не рѣдко прокрадывалася насмѣшливая улыбка! — Таковъ онъ былъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ :

Не вѣрше тѣмъ, которыя утверждають, что никто не можетъ совершенно оцѣнить себя. Толкуютъ это лишь тѣ, которыя по низкой ли робости, по увѣренности ли въ своемъ превосходствѣ, или наконецъ по непривычкѣ къ размышленію, не осмѣливались вникать во глубину души своей. — Елладій, совершенно постигая и свои достоинства и свои недоспашки, твердо зналъ мѣсто, которое ему суждено было занимать на неизмѣримой, изъ споль разнообразныхъ, степеней соспавленной леспвицѣ ума человѣческаго. — Имѣя одною мѣшою — истину, или по крайней мѣрѣ то, что ему казалось истинною, онъ на быспромъ спремленіи къ оной, со всемъ жаромъ молодости, опрокидывалъ преграды полагаемыя ему приличіемъ ли, собспвен-

нымъ ли самолюбіемъ. Высоко цѣня въ себѣ ешо спремленіе, онъ презираль малодушныхъ, безпечно прозябающихъ, въ мрачной обласпи бездѣйспвенности, но всегда недовольный собою — благоговѣль предъ умами возвышенными, дѣяпелными. Ненавидя собспвенныя слабости, онъ негодовалъ на пѣхъ, кошорые ихъ какъ бы поощряли собою; — видъ же мудраго, напоминающаго Елладію о собспвенномъ несовершенствѣ, повергалъ его въ уныніе. — Я бы самага Елладія назваль истинно мудрымъ, если бы пакія чувспвованія хранилися тайно въ сокровищницѣ души его, сокрытыя опъ нечистыхъ взоровъ толпы безсмысленной — завѣсою равнодушія; но пламень молодосши сжигаль сію завѣсу — и благородныя чувспвованія, исходя на внѣшность во всей наготѣ своей — искажались: пвердоспъ характера — казалось упрямствомъ; чувство собспвеннаго достоинства — безразсудною, самонадѣянностію, безкорыстное спремленіе къ совершенству — странностію, наконецъ невольное презрѣніе къ безсмысленнымъ — обращалося въ насмѣшливость. — Такъ свѣтъ солнечный, безплошный духъ міра, — проливаясь во мракъ, перлеть первобытную чи-

спонку свою, преломляется, мушится, хоня все еще прекрасень и въ своихъ преломленіяхъ; — шакъ обезображивается все небесное въ земномъ ничтожесшвѣ!

Само собою разумѣется, что съ такимъ характеромъ, столь рано развившемся и въ послѣдствіи чѣшами укрѣпленномъ, Елладій не могъ бытъ тѣмъ, кого въ обществѣ называютъ любезнымъ, милымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые опшпалкиваютъ опъ себя толпу; но за то, пріобрѣтая друзей или недруговъ, пріобрѣтаютъ истинныхъ и на вѣки.

Я уже сказала, что Ліодорова съ удовольствіемъ смонрѣла на связь, возникшую между Елладіемъ и Марією, но забыла сказать, что она старалась показать, будто бы не замѣчаетъ того, можетъ бытъ, думая, что препятствія должны еще болѣе укрѣпить любовь въ сердцахъ юныхъ; — въ самомъ дѣлѣ — еши препятствія, будучи превозмогаемы доставляютъ удовольствія неизъяснимыя, даже въ спарости, когда хладѣютъ всѣ чувствованія — онѣ въ воспоминаніяхъ замѣняютъ пламень юношескій и тихимъ наслажденіемъ дружбы придають воспорги любви бурной, поры-

виспой, — какъ бы уравновѣшиваютъ сіи два чувствованія.

Марія любила Елладія, какъ брата—по привычкѣ. Получивши отъ природы нравъ тихій, она не способна была ни къ какимъ сильнымъ чувствованіямъ; она принадлежала къ числу тѣхъ, у коихъ характеръ въ продолженіи цѣлой жизни кажется готовымъ развиться, но не развивается. — Всякое впечатлѣніе колебало ее и потомъ уснувало мѣсто другому новому, которое также было непродолжительно. Дѣвушка — она любила наряды, воспитанная въ кругу Московскихъ спарушекъ — не забывала и о своей знатной породѣ, но сердечно соглашалась съ своею матерью въ суетности того и другаго. Любила живопись, но когда мать мимоходомъ замѣчала ей, что не слишкомъ ли долго сидѣла она, нагнувшись надъ картиною, Марія хладнокровно оставляла кисть и садилась за фортепьяно, не по слѣпой покорности воли материнской, но только потому что ей кто-то говорилъ о перемѣнѣ занятія. Любила танцовать, но безъ всякой скуки могла просидѣть въ продолженіи цѣлаго бала, не танцуя. Любила читать, но готова была остановиться на самомъ зани-

пельномъ мѣстѣ книги. Впрочемъ была весьма умна и добродушна. — Вы спросите, можетъ быть, какъ такое холодное существо могло понравиться пламенному Елладію? Я и самъ того не знаю; — ужъ не по тому ли, непреложному закону Природы, по которому соединяются всѣ противоположности? — Такіе примѣры въ свѣтѣ не рѣдки. — Сверхъ того Марія имѣла весьма привлекательную наружность — ея торжественность женщины. — Глаза ея, съ длинными ресницами, всегда полуоткрытыя; свѣтло-русые волосы; пышные перси; какая-то изнѣженность во всемъ шлѣ, совершенное опущеніе бодрости, столь отвратительное въ мужчинѣ и столь прѣкрасное въ женщинѣ — все ея придавало Маріи прелесть неизъяснимую.

Елладію исполнилось 22 года. Уже Графиня Ліодорова готова была исполнить свое желаніе, соединивъ Елладія съ Марією, — но грозная туча опягощѣла надъ моимъ героемъ.

Пора вамъ узнать, друзья мои, Добрынского — онъ преважную роль играетъ въ жизни Елладіевой. — Онъ, закоренѣлый въ пришествіи, пробѣжалъ полспольшія, сохранивши имя человека честнаго и умнаго,

но въ самомъ дѣлѣ былъ человекъ ужасный: Гнусное корысполюбіе поглощало въ немъ всѣ другія чувствованія — а каршежная игра была средствомъ для удовлетворенія сей спраси. — Чпобы успѣшнѣе дѣйствовать, онъ надѣлъ на себя личину набожности, спраси къ познаніямъ, благошворительности. Цѣлая шайка каршежниковъ; укывавшихся опъ взоровъ правительсва, была въ его распоряженіи. Каждый день разсыпалися они по цѣлому городу, по гульбицамъ, шрактирамъ, теапрамъ, развѣдывали о новопріѣзжающихъ, о ихъ состояніи, объ образѣ жизни, — и ввечеру приносили подробности увѣдомленія Добрынскому.

Ему же, знакомому съ цѣлымъ городомъ пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ, не мудрено было, съ помощію своихъ сошрудниковъ не только знакомиться съ несчастными жертвами, но вшираться къ нимъ въ довѣренность, дружбу; ешо онъ умѣлъ дѣлать съ такимъ искусствомъ, что, казалось, не онъ самъ искалъ знакомсва, но другіе его искали и что даже по ему шягосшно; каждаго новаго знакоца онъ увѣрялъ, что замѣтивши въ немъ необыкновенныя достоинсва, удостоиваетъ его своей пріязни; съ набожнымъ говорилъ онъ

о спасеніи души ; съ благопвирительнымъ о добрыхъ дѣлахъ ; съ ученымъ спарался болѣе молчать , или завести рѣчь о пѣсныхъ предѣлахъ ума человѣческаго , и сверхъ того , о чемъ-то такомъ , о чемъ гордая Философія и грезить не смѣетъ. Такимъ образомъ инымъ умѣль онъ понравился согласіемъ во мнѣніяхъ , другихъ поразилъ своею пайнспвенностію ; а каждаго заставилъ дорожить своею дружбою. — Даже и тогда , когда повергалъ несчастныхъ жертвъ въ бездну несчастій — они не только не почитали Добрынскаго виновникомъ своего злополучія , но еще къ нему же приходили каяться въ своихъ ошибкахъ. — Самъ же онъ , по предосторожности никогда не игралъ , — его дѣло было лишь сводить играющихъ , а на досугъ изобрѣтать разныя картежныя плутовства , какъ-то подборы , передержки и проч.

Однажды его поварищи подмѣшили въ трактирѣ молодого , лихаго улана , который что-то небережно оисыпался деньгами ; разомъ знакомясь съ нимъ за бутылкою Шампанскаго , узнають , что онъ имѣетъ богатое имѣніе , — а Добрынскій находитъ случай съ нимъ познакомиться у одной своей родни Глуносилиной. — Еша

Глупосилина была, по ея собственному увѣренію — весьма невинная дѣвушка — лѣтъ 40, — копорая съ досады на опцвѣпшую молодость, рѣшилась бытъ смиренницею, развозила по городу вѣспи о свадьбахъ, стоворахъ, копорые всегда у ней, какъ камень на душѣ лежали. Однимъ изъ главнѣйшихъ пункшовъ ея Философіи было то, что она карпежниковъ никакъ не почитали людьми, хопя чѣмъ нибудь погрѣшающими пропивъ законовъ Божескихъ или человѣческихъ; напрошивъ выигрышъ ей казался — особенною Божіею милостию. „*Богъ даетъ!*“ — говорила она. Въ слѣдствіе такихъ правилъ — она была помощницею Добрынскаго во всѣхъ его плутовствахъ: вмѣспѣ съ нимъ заманивала молодыхъ людей, дѣлилась съ нимъ выигрышемъ, а между шѣмъ не мало способствовала къ распространенію славы о его добродѣтеляхъ, ибо по громкому своему голосу имѣла довольный вѣсь въ городѣ.

На сей разъ епой доспойной чепѣ предстоялъ подвигъ довольно трудный. Храбровъ, такъ назывался лихой уланъ — никакъ не давался въ сѣпи, копорыя ему распавляли сотрудники Добрынскаго. Тщепно исщощали всѣ обыкновенныя, такъ сказать,

проспонародныя каршежныя хипрости : щепно прапили деньги на Шампанское, щепно предлагали ему бышь съ нимъ въ половинѣ ; — Храбровъ ни съ кѣмъ не дѣлился, выпиваль бокаль за бокаломъ , а между тѣмъ хладнокровно подмечаль подборы, не пропускаль ни одной передернутой каршы — и всѣ хипрости своихъ пропивниковъ обращаль имъ же во вредъ.

Уже игроки падають духомъ , уже рѣшаються оставишь въ покоѣ Храброва , но Добрынскій, какъ закоренѣлый каршежникъ, не превожипсья неудачами, и никакъ не хочеть шагъ легко выпустить изъ рукъ добычу : въ головѣ его безпрестанно вѣршился мысль о богатомъ имѣннн Храброва. Назначають день игры. Добрынскій выдумываетъ хипрость, копорая шеперь, какъ говоряшь, уже въ большемъ употребленнн у каршежниковъ , но отвѣчаю , что въ первый разъ употреблена была Добрынскимъ. —

Садяпсья, играють — Добрынскій налагаетъ на себя должность снимать со свѣчь; какъ нарочно, безпрестанно на свѣчахъ нагораетъ; Добрынскій не лѣнипсья снимать, — и что сниметь, то убьютъ каршу Храброва. — Улану вскорѣ надоѣла еша проказа,

онъ замѣшилъ въ чемъ дѣло, быспро схватилъ близъ лежавшій ножъ и разомъ пригвоздилъ къ сполу Добрынскаго руку вмѣстѣ съ щипцами: хопя обыкновенно бездѣльники, будучи прусами, въ подобныхъ случаяхъ дѣлаются храбрыми по самой своей прусоспи, но поварищи Добрынскаго не осмѣлились и пошевельнуться — ихъ оледѣнилъ одинъ грозный взоръ сослуживцевъ Храброва.

„А! попался, плузяга!“ — сказала Храбровъ хладнокровно, не выпуская со спола Добрынскаго руку: „не вершись пакъ, сдѣлай милоспъ, — не опвершись. — Полно тебѣ обманывать честныхъ людей; завпра же цѣлый городъ узнаешъ, что ты за ппица; не останешся ни одного человекъ, кому бы я не рассказалъ о швоихъ подвигахъ. — Не ищи въ головѣ своей ни оправданій, ни опговорокъ — я давно тебѣ уже на сквозъ видѣлъ! Теперь швоя слава и всѣ шруды швом, все швое лицемѣрие на вѣки поперяны. — Впрочемъ я человекъ добрый — я пожалуй и прощу тебѣ, но съ маленькимъ условіемъ — давай договаривашся.“

— Пуспи же прежде руку мою! — сказала шрепещунцій опъ боли и шпраха Добрынскій; положеніе, въ которомъ онъ нахо-

дился совершенно распроило личину, подъ которою онъ скрываль испинную свою физиогномію: чершы, копорья, казалось, разливали по его лицу умиленіе, въ настоящемъ своемъ видѣ являли шолько бездушность, даже слабоуміе; глубокомысліе обрашилось въ коварство; шайншвенность — въ шрусость; вся цѣлосшь лица его предшавляла нѣчто скаредное.

„Изволь! я и на шо согласень!“ продолжалъ Храбровъ. „Теперь завяжи себѣ руку плашкомъ и слушай: ты знаешь Графиню Ліодорову — я не влюбленъ въ дочь ея, но еша дѣвочка мнѣ нравилсся, да сверхъ того у ней много приданого; а я васъ всѣхъ обманываль: у меня сполько же богашства, сколько въ тебѣ честности—ты можешъ сдѣлать изъ Графини, что хочешъ — жени меня на ея дочери!“

Дѣлать было нечего — Добрынскій обѣщаль все, что было въ его силахъ; помирилсся съ Храбровымъ, даже подружилсся съ нимъ и вмѣстѣ принялисся за дѣло.

Елладій, котораго Графиня любила, какъ сына — былъ главнѣйшимъ преняшствіемъ къ достиженію ихъ цѣли; на него-шо были усшремлены сперва всѣ покушенія сихъ витязей.

У Глуносилиной былъ родной бранъ, человекъ ничтожный и низкій въ полномъ смыслѣ сихъ словъ. Въ немъ соединялись необыкновенныя пропироврчія: ненависть къ просвѣщенію обнаруживалась въ каждомъ словѣ его, а между шѣмъ онъ любилъ выдавать себя за любителя и знамока въ наукахъ и въ изящныхъ искусствахъ. Хотѣлъ бытъ человекомъ хорошаго, знашнаго тона; и окружалъ себя людьми подлыми во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтооь они улыбаются, при каждой, имъ сказанной глупости и — его обѣдъ почитали величайшимъ благодарніемъ. Любилъ казаться благошворительнымъ, и бралъ по 20 проценповъ съ должниковъ своихъ. Читилъ древнія обыкновенія, и оставлялъ въ пищепѣ бѣдныхъ родшвенниковъ своихъ. Сверхъ того Глуносилинъ почиталъ себя великимъ Пашрїономъ, пошому, что нюхалъ Русскій табакъ — и честнымъ человекомъ, — ибо ненавидѣлъ каршежную игру, хотя не пошому, чтообы онъ находилъ въ ней нѣчто дурное, но опъ того, что былъ однажды жестоко обыгранъ въ своей молодости.

Ешошъ Глуносилинъ весьма почиталъ Добрыискаго, пошому, чтооь посредшвомъ се-

спры своей занималъ у него иногда деньги, раздавши свои собственныя за выгодныя проценты: — почему Добрынскій и выбралъ его средствомъ для достиженія своей цѣли. — Сверхъ того Глуносилинъ ненавидѣлъ Елладія по многимъ причинамъ: сей послѣдній не разъ приводилъ Глуносилина въ замѣшательство, когда онъ хохлѣлъ величаться своими знаніями; припомъ Елладій имѣлъ порокъ неприспительный въ глазахъ такихъ людей, каковъ Глуносилинъ — молодость.

Надобно знать, что Добрынскій, — еще прежде сего случая, желая поддѣлаться къ Ліодоровой, — спарался всячески льстить Елладію и расхваливалишь его въ глаза съ обыкновеннымъ своимъ таинственнымъ видомъ; хощя внутренно также ненавидѣлъ Елладія, — ибо сей послѣдній часно говаривалъ, что благошворительность въ помыслѣ, какъ ее обыкновенно разумѣють, будучи добродѣшью часною, необъемлющею всѣхъ опраслей духа человѣческаго — еще не можетъ составить понятія объ истинно доблѣсномъ; что одна доброта сердца — безъ просвѣщеннаго разума — ничтожна и что такая односторонность въ образованіи не только далеко не достигаетъ всеобщаго совершенствованія, но еще вре-

дипъ оному , ибо служишь личиною и оружіемъ невѣжества и слабоумія.

Теперь Добрынскому надобно было искусно перемѣнить свою роль. Чшобъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ придумалъ планъ ужасный, адскій:

Прежде всего, чшобы избѣжать всѣхъ подозрѣній , Глупосилинъ ввелъ въ домъ Ліодоровой, Храброва; а Добрынскій показалъ видъ, будто совершенно не знакомъ съ нимъ.

Въ городъ было одно бѣдное семейство Линскихъ. Оно когда-то было обязано небольшимъ благодарніемъ опцу Глупосилина— и просподушные люди сохраняли благодарность даже и къ сыну; сей же поддерживалъ съ ними знакомство для того, чшобы имѣть случай сказать иногда , какъ несносны они ему своею докучливою признапельностью.

Елладій у Глупосилина познакомился съ семействомъ Линскихъ , состоявшимъ изъ вдовы и ея шеснадцати-лѣтней дочери и довольно часто посѣщалъ его: — ихъ домъ , находившійся близко ***выхъ горъ, служилъ ему роздыхомъ , ибо Елладій, имѣя привычку ходишь пѣшкомъ много , всегда выбиралъ окрестности горъ сихъ мѣстомъ своихъ прогулокъ.

О сихъ посѣщеніяхъ провѣдалъ Добрынскій и онѣ послужили ему основаніемъ его хитроспи:

Добрынскій продолжалъ хвалить Елладія Ліодоровой; но старался показывать, что похвалы его спановяшся холоднѣе — онъ зналъ, что епо не избѣгнетъ опъ пронцапельнаго взора Графини.— Сверхъ того старался чаще будшо бы ненарокомъ намекашь о насмѣшливости Елладія, ни хваля, ни порицая ее,—ибо зналъ, что еша черпа въ Елладіевомъ характерѣ не нравилася самой Графини, не совершенно поспигавшей его, не смопря на умъ свой. Когда же она заговаривала о благородствѣ души Елладія—Добрынскій опвѣчалъ ~~о~~рывиспо, сухо и какъ бы не хопя.

Глупосилиной дано было порученіе развозить по цѣлой Москвѣ вѣспь о шайномъ бракѣ Елладія, не говоря однако же, съ кѣмъ, но шолько не съ Марією;—епо было сдѣлано съ пѣмъ намѣреніемъ, чтобы еша вѣспь, какъ бы ненарокомъ и изъ чужихъ рукъ коснуласъ ушей Ліодоровой. Глупосилина съ великою радоспію взяласъ за сіе порученіе:—оно доспавляло ей случай удовле-

пворить любимой ея склонности — болтовству, а сверхъ того — и опомспить нѣсколько Елладію, который былъ сполько невѣжливъ, что не замѣчалъ нѣжныхъ взоровъ, кидаемыхъ ему смиренницею. — Съ поспѣшностию бросилась она ко всѣмъ своимъ знакомымъ, помирилась съ неприятелими, возобновила оставленные знакомства, надѣлала пропаси новыхъ, и все для того, чтобы имѣть болѣе случая вездѣ горичиться и называть Елладія не благодарнымъ, повѣсою, беззаконникомъ — — къ ней присоединился цѣлый хоръ Московскихъ шарушекъ, сполько любящихъ мѣшаться не въ свое дѣло — и на другой же день спали намекашь Графинѣ о тайномъ бракѣ Елладія.

Епи вѣспи нѣсколько огорчили Ліодорову; хопя она и не вѣрила имъ, а все не могла заципишь себя опъ мысли, что онѣ должны же имѣть какое либо основаніе.

Но неприпворное удивленіе, съ которымъ услышалъ Елладій ея о семъ вопросе, совершенно ее успокоило. Сверхъ того, Ліодорова видѣла все шу же привязанность Елладія къ Маріи и пошому, чтобы однимъ разомъ уничтожишь всѣ шюки, — рѣшилась поспѣшить свадь-

бою. — Желанію ея воспріятыспововала — нечаянная небольшая болѣзнь Маріи.

Однажды вечеромъ вспрѣпились у Глу-
посилина Храбровъ съ Добрынскимъ. „Что
же брашь?“ — спросилъ онъ: — „всѣ
швои хипроспи нейдушъ на ладъ, и
мое дѣло опъ нихъ впередъ ни мало не
подвигаешся. Напрошивъ того, чрезъ не-
дѣлю назначена свадьба — полько не моя, а
ешаго негоднаго фрачника.“

— Что же мнѣ дѣлашь? — сказалъ До-
брынскій.

Храбр. Ешто не мое, а швое дѣло. Ты
далъ слово — шакъ держись его, спарый
проказникъ. Взгляни на свою руку — она
еще не зажила, — пусть хопъ она напо-
нитъ шебѣ, что я масперъ учить бездѣль-
никовъ.

Добрынскій посмотрѣлъ на него изъ
подлѣбья, прошелъ нѣсколько разъ по ком-
нашѣ — казалось, что-то шайное боролось
въ душѣ его. — „Такъ и бышь!“ — сказалъ
онъ наконецъ, какъ бы превозмогая себя —
„шакъ и бышь!“

„Храбровъ! Марія пивоя!“ — прибавилъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ сумрачнымъ видомъ.

На другой день Лидорова получила опъ Добрынскаго письмо, въ которомъ онъ объявлялъ ей, что Елладій — былъ сынъ ея, что онъ принесенъ былъ къ нему человекомъ незнакомымъ, спасшимъ его опъ пожара, что онъ видя въ семъ спранномъ случаѣ дивное произволеніе Божіе и сверхъшого удерживаемый непоняпною ему силою, не открывалъ сего до шѣхъ поръ, пока не принужденъ былъ къ шому рѣшимостию Графини соединить его бракомъ съ Марією.

Въ слѣдъ за симъ явился самъ Добрынский — цѣлыхъ два часа толковалъ онъ съ Графиною въ кабинетѣ — не знаю о чемъ, но она вышла опшуда совершенно убѣжденною въ истинѣ словъ Добрынскаго. Такова была власшь надъ умами сего человека.

Не буду описывать смѣшенія различныхъ чувствованій въ душѣ Елладія, при

сей внезапной переменѣ. — „Не знаю, какъ объяснишь вамъ,“ писалъ онъ къ одному своему другу, „что теперь происходитъ во мнѣ. Особенно непонятно мнѣ по чувству, съ которымъ смотрю я на Марію. Хочу къ ней приблизиться — и боюсь. Хочу говорить — и не знаю какъ назвать ее. — Долго я не могъ постигнуть радостна ли мнѣ или прискорбна совершенная переменна отношеній между мною и ею, но вчера она съ обыкновенною своею холодностію сказала мнѣ: „Теперь, когда я пойду замужъ, Елладій, ты будешь моимъ шаферомъ!“ — эти слова потрясли всю мою внутренность — они объяснили мнѣ до полѣ непонятное! — Ты — за мужемъ? — я своимъ шаферомъ? — вскричалъ я съ горькою улыбкою — и не могъ болѣе ничего вымолвить; — Марія же, казалось, не поняла моего движенія; она ничего не отвѣчала мнѣ и спокойно принялась дорисовывать свою картину, представляющую богиню спокойствія,“ и проч.

Между тѣмъ другая пуча разразилась надъ Елладіемъ.

Добрынскій еще прежде сего расчипалъ, что, не смотря на его открытіе, Елладій

по своему характеру все будетъ служить препятствиемъ соединенію Маріи съ Храбровымъ. Для сего-то прежде и изобрѣдена была имъ вѣсть о тайномъ бракѣ Елладія.

Къ тому еще присоединилось другое обстоятельство. Глупосилинъ, имѣя виды особенные, напашивалъ, чтобы Елладія женилъ непременно на Юліи (такъ называлась дочь Линской).

Снова сестра его оправилась по городу подтверждать вѣсть свою, съ прибавленіемъ, что Елладій женился на Линской. Самъ же Глупосилинъ поѣхалъ къ Лидоровой — и наученный Добрынскимъ — сперва представилъ ей, какъ его отецъ и онъ самъ принимали всегда участіе въ семействѣ Линскихъ и какую любовь онъ чувствуетъ къ Елладію, — а потомъ принялся просить Графиню *не препятствовать болѣе счастію двухъ сердецъ, другъ друга нѣжно любящихъ и согласиться на бракъ Елладія съ Юлією.*

Это подтвержденіе прежнихъ городскихъ слуховъ — еще болѣе огорчило Графиню, нежели прежде. Изъ сего мнимаго поступка Елладія, она выводила заключеніе — о скрытности его характера и даже о неблагородствѣ души его. Она вспомнила

холодность Добрынского — когда рѣчь заходила о сей послѣдней чертѣ нрава Елладіева, — и все это вмѣстѣ произвело на нее впечатлѣніе весьма непріятное.

Позвали Елладія. — Узнавши въ чемъ дѣло, — онъ съ удивленіемъ спросилъ Глупосилина, съ чего взялъ онъ мысль просить о его женихѣ на Линской?

„Ну полно, братья!“ — сказалъ Глупосилинъ шрепя его по плечу, попряхиваясь и подло посмѣиваясь: „полно скрываешься — все знаемъ. Вѣдь не каждый ли день ты бываешь у Линской?“ — Елладій поблѣднѣлъ отъ негодованія, дрожь проняла всѣ члены его, онъ бы разразилъ на мѣстѣ бездѣльника, еслибъ не удержали его отъ того присупствіе и даже слова мапери.

— Я не обязанъ вамъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ, — вскричалъ онъ глухимъ голосомъ — и васъ прошу, даже приказываю вамъ не заботиться о дѣлахъ моихъ! — Глупосилинъ спрусилъ и принялся извиняться, увѣрялъ Елладія, что только думая угодить, — по ошибкѣ — приѣзжалъ хлопотать о его свадьбѣ.

Глупосилинъ, увѣдомивъ Добрынского о худомъ успѣхѣ своего предпріятія, сказалъ,

что надобно предпринять чтонибудь решительное и принудить Елладія жениться.

Тщательно отговаривалъ его отъ этого Добрыньскій, гораздо лучше его понимая людей и зная въ особенностяхъ характеръ нашего молодого человѣка :

„Вы уже испытали каковъ Елладій!“ говорилъ Добрыньскій. „Надобно выбрать другую сторону: пускай больше утвердится въ городѣ слухъ о его связи съ Юліею, пусть онъ увѣрился, что ещоть слухъ вредитъ ея доброму имени; онъ твердо увѣренъ, что ешо единственнае сокровище у бѣдной дѣвушки и — я знаю Елладія — онъ женился на ней для того только, чтобы спасти ея доброе имя.“

— Чего шумъ ждешь? — прервалъ съ сердцемъ Глупосилинь, — она чрезъ недѣлю произведетъ на свѣтъ маленькаго Глупосилина, — тогда уже поздно будетъ, а свалишь ешу бѣду больше не на кого. Нѣтъ! по моему лучше: пугнемъ хорошенько дѣлоу гурбою! — Молодой человѣкъ! спускайся! —

Храбровъ приспалъ къ мнѣнію Глупосилина и Добрыньскій долженъ былъ уступить большинству голосовъ.

Въ тотъ же день обдумали планъ атаки и собрали для того множество участни-

ковъ. Прискорбно подумашь, что такъ много нашлося людей, способныхъ на низкій поступокъ—но что дѣлашь? ето истина. — Одни хотѣли угодишь Глупосилину, какъ челоуѣку, у котораго можно хорошо объдашь; другимъ Елладій помѣшалъ возвыситься во мнѣнїи людей — обличенїемъ ихъ невѣжества; третїихъ коснулась его часто язвительная насмѣшка; четвертые наконецъ не любили Елладїя по той только причинѣ, по которой всѣ глупцы имѣютъ опвращенїе опъ умныхъ: — даже одинъ старый слуга, въ домѣ Графини, готовъ былъ присягнушь во лжи! — епопъ не любилъ Елладїя только за то, что все почиталъ его *самозванцемъ*, не отъ Графской крови, все видѣлъ въ немъ приемыша.

На другой день въ домѣ Графини явилась Линская, съ распущенными волосами въ изорванномъ плащѣ и съ рыданїями бросилась къ ней въ ноги, — обвиняя Елладїя въ обезчещенїи ея дочери.

Ета низкая женщина не постыдилась оклеветашъ Елладїя. Причиною сего поступка была врожденная подлость: она

была напугана Глупосилинымъ, копорый виѣ-
спѣ умѣлъ и прельспипѣ ее пѣмъ, что дочь
ея будетъ *Графинейю*. При сей одной мы-
сли — попухли въ Линской малѣйшія искры
благородства.

Въ слѣдъ за Линской явился Глупосилинъ
съ свидѣтелями; — принявъ на себя роль
раздраженнаго заспунника невинности, онъ
укорялъ Елладія въ презрѣніи всѣхъ зако-
новъ Божескихъ и человѣческихъ, и съ ве-
личайшимъ жаромъ, почпи съ слезами на
глазахъ проповѣдывалъ о злополучіи бѣдной
Юліи и о томъ, что одною женипъбою онъ
едва можешъ омыпѣ свой черный поступокъ.

Добрынскій, сначала было принялся за-
щищати Елладія, разумѣетса шакъ, что еша
защипа была хуже обвиненія, — но наконецъ
оборопился на него съ упреками. Съ какииъ
пламенемъ восклицалъ онъ, что спрашнній
грѣхъ налегъ на душу Елладія и на душу
соблазненной имъ!

Все говорило пропивъ Елладія: одни уп-
верждали, что слышали его кляшвенныя
обѣщанія Юліи — женипъся на ней; дру-
гіе — какъ онъ просилъ до времени не объ-
являпѣ о семъ Графинѣ; старый слуга при-
знавалса съ припворнымъ раскаяніемъ, что
не разъ былъ посылапѣ молодыиъ Графомъ

для подкупленія горничныхъ Юліи ; — Линская была почти въ безпамятствѣ.

Всего еяго недоспающе было бы для удостовѣренія Ліодоровой — столь великую довѣренность пипала она къ Елладію; но такова женщина! — созданіе прелестное, но слабое! за чѣмъ ты не можешь существовать независимо? — за чѣмъ съ легкомысліемъ ввѣряешься одному своему воображенію? — Кпо ни овладѣешь сею опраслію души пвоей — и уже ты вся въ его власти.

Такова женщина! — Повпоряю я: — едва произнесъ Добрынской два слова пропивъ Елладія, какъ и перемѣнился образъ мыслей Ліодоровой. — Всѣ слухи, касательно Елладія, показались ей достовѣрными; Глуносилинъ — несправедливо имъ оскорбленнымъ, а самъ Елладій человекомъ хитрымъ, безчестнымъ. — Она дала слово Линской заспавить сына своего непременно женишься на Юліи, но чпобы не произвести новаго шума, просила всѣхъ къ ней чрезъ нѣсколько дней пріѣхать и дашь ей время переговорить на единѣ съ Елладіемъ.

Бѣдной Елладій, ничего не зная о происходящемъ, сидѣлъ тогда въ комнапѣ Ма-

рії , копорой болѣзнь , прекрапившись полько на малое время , возобновилася съ бѣльшею силою , и въ коей замѣчали припадки , означавшіе , что отецъ Маріи вмѣспѣ съ кровію передалъ ей и свои болѣзни.

Сухо всшрѣтила Графиня своего сына. Нѣсколько времени хотѣла она сохранишь холодную наружность , но наконецъ хладнокровіе ее оспавило и она съ жаромъ высказала Елладію все то , что было у ней на сердцѣ: щещно хотѣлъ бѣдный юноша оправдаться! чѣмъ болѣе онъ оправдывался—тѣмъ болѣе казался ненавистнымъ въ глазахъ Ліодоровой ; — особенно поражало ее отвращеніе его отъ женишбы съ Юліею , — Юліею , имъ обезчещенною. То укоризны сыпалися за укоризнами , то съ слезами на глазахъ , мать умоляла Елладія раскаяніемъ и послушаніемъ загладить свой проспунокъ : то и другое попеременно раздирало душу Елладія ; но онъ , чпя истину выше всѣхъ благъ и бѣдствій подлунныхъ , къ пому же раздраженный насиліемъ и сверхъ того руководимый какимъ-то пайнымъ чувспвомъ , глубоко заронившемся въ душу его , — чувспвомъ , копорого начало онъ боялся объяснить себѣ , Елладій оспавался непреклоннымъ. Цѣлый день продол-

жалася сія бипва ; уже къ вечеру , Графиня , оскорбленная Елладіевомъ упрямствомъ—грозно приказала ему оставишь ее въ покоѣ ; уже онъ спремился къ виновникамъ вѣроломнаго поступка , чшобы омышь въ крови ихъ свое злополучіе ,—какъ вдругъ необыкновенно увеличавшаяся болѣзнь Маріи оспановила его ; цѣлую ночь и слѣдующій день она провела въ спраданіяхъ , а на шрепій къ упру спали даже ошчаявашь въ ея жизни .

Обѣ ночи Елладій и машь его , не смыкали глазъ .—Безмолвно злополучный юноша сидѣлъ у изголовья Маріиной постели , дико успремивъ взоры на блѣдное лице ея , не принимая ни пици , ни пипіа ; каждый вздохъ ея , каждое движеніе , опзывалися въ душѣ его и производили дрожъ во всемъ шѣлѣ .

Упру разрѣшило спрапную загадку : Добрынскій , — сіе чудовищное явленіе въ нравспвенномъ мірѣ пріялъ наконецъ мзду свою ! Разбитый испуганными лошадьми , онъ получилъ смертельную рану и находясь на смерпномъ одрѣ опкрылъ шайну свою , шайну ужасную : онъ опкрылъ , что Елладій былъ сынъ его — плодъ любви беззаконной ; что шер-

заемый корысполюбіемъ, бояся улики своему ложному смиренію, онъ не признавалъ его; — наконецъ, что и Юлія была также его дочерью — и злодѣй не спрашился — —, „Прощеніе! прощеніе!“ завопилъ онъ предъ послѣднимъ издыханіемъ, судорожно изгибаясь, и съ кровью изрыгнулъ свою нечистую душу.

Пораженные кончиною Добрынскаго, соучастники его злодѣяній поспѣшили къ Ліодоровой, съ препешомъ испрашивая у ней прощенія и раскаяваясь во всѣхъ своихъ поступкахъ.

Но поздно, поздно вѣспь сія достигла до дома Графинина!

Коварство людей, — гнѣвъ, почти проклятіе шой, копорую Елладій почипалъ своею матерью, — мучительная болѣзнь Маріи — все это вмѣспѣ сильно подѣйствовало на слабыя его опъ Природы нервы; къ тому же выикая въ самага себя, въ неимовѣрное почти согласіе людей вредить ему, онъ въ самомъ себѣ, въ своемъ самолюбіи, въ своей насмѣшливости — находилъ причины людской къ себѣ ненависти. — Эта мысль приводила его въ опчаяніе — и наконецъ повергла въ сумасшесшвіе.

Такъ погибнуть сей юноша,—которымъ бы нѣкогда гордилось Опечесство!

Еще не давно я видѣлъ Елладія: уже давно попухъ огонь въ пламенныхъ очахъ его; — глубокая, тихая скорбь разливалась по лицу его; блѣдный, съ ввалившимся щеками, съ всклокоченною головою, сидѣлъ онъ, приклонивъ голову на грудь свою; ему до сихъ поръ все чудится одръ смертный Маріи; часто изъ списнутыхъ устъ вылетаетъ вздохъ — или шихо, раздрающимъ душу голосомъ, онъ повторяетъ: *я невипенѣ!*

Картина моя дорисована (*): какой будешь удѣлъ ея? — Философъ не удостоитъ ее своего возрѣнія, — она и не заслуживаетъ взора Любомудра возвышеннаго! — Люди свѣпскіе взглянуть, найдутъ можеть быть нѣкоторыя черты на себя похожими и опвернутся оупъ живописца,

---

(*) Для любопытныхъ прибавляю: Марія выздоровѣла — и вышла замужъ. Мідорова же не оправдываетъ злополучнаго Елладія.

смѣющаго бытъ не подобострастнымъ! —
Юныя прелестницы не подаришь меня
улыбкою — я часто оскорблялъ ихъ при-
хопливое самолюбіе!

О д в с к.

XIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЕМЫ: ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ.

(Окончаніе).

Алина! безъ тебя задумчивый, унылый,
 Хотя брожу съ поскокой,—но призракъ сердцу милый,
 Твой образъ носится повсюду надо мной;
 Мечтаешься ты мнѣ—подъ тѣнью дровъ густой—
 Въ малѣйшемъ шорохѣ—листочка въ прелепаныи
 Я слышу голосъ твой! — Въ серебряномъ сіянии
 Луны сквозь облака мерцающихъ лучей,
 Зрю помный, кропкой блескъ задумчивыхъ очей;
 Тебя вообразивъ, я спранъ нездѣшнихъ жипель
 И ты, въ разлуки часъ, мой геній утѣшитель!
 Въ воспоргѣ позабылъ, что милой нѣтъ со мной:
 Любовь и среди мукъ, есть даръ Судьбы благой!....
 Она — путь жизни сей цвѣтами успилаешь,
 Отъ сердца гонитъ грусть и душу оживляетъ!
 Повѣрьте: безъ нее блаженства въ мѣрѣ нѣтъ;
 Лишь ею держится и дышетъ цѣлый свѣтъ.
 Напрасно говорятъ вамъ, дѣвушки прекрасны:
 „Страшитесь любви!—Всѣ клятвы сладостраспны
 „Въ успахъ любовника не значупъ ничего!
 „Сего дня взоръ одинъ блаженство для него,
 „Сего дня подлѣ васъ онъ мѣрѣ позабываетъ,

„А завпра, мопылекъ, опть розы оплешаетъ
 „Пишь сладость жизни всей на пышный анемонъ!“
 Напрасно мудрецы толкуюшь: вѣрность—сонъ!
 И сердце дѣвушки опть счастья удаляютъ,
 Измѣною въ любви, въ шестнадцать лѣтъ пугаютъ.
 Не вѣрьте! — и когда Киприды сына власть
 Заспавишь юношу у ногъ излить вамъ спрассть,
 Коль сердце бьется васъ — душой его любите
 И бога всѣхъ упѣхъ упрямымъ не гнѣвите:
 Все создано любить! такъ—киньте взоръ вокругъ:
 Вамъ скажутъ тоже боръ, ручей, пригорки, лугъ;
 Вамъ тоже подтвердятъ и ппичекъ спрасстны
 • хоры,
 Съ любовью на кустахъ встрѣчая блескъ Авроры.
 Но скажете вы мнѣ: „Богъ времени съдой
 Не рѣдко увлекалъ Амура за собой;
 На помощь старику всегда какъ шупъ разлука;
 Забытой милымъ бытъ ужаснѣйшая мука!“
 Позвольте въ сихъ стихахъ вамъ истину ошкрыть:
 Тотъ прямо не любилъ, кто можетъ измѣнить!
 Не думайте чтобъ спрассть была поплъ огнь
 мгновенный,
 Близъ васъ красавицы невольно въ насъ возженный,
 Когда, плѣненные улыбкою одной,
 Иль взоромъ огненнымъ, любезностью другой,
 Обоихъ хвалимъ мы; — такъ — бабочка злая
 Лянетъ къ каждому цвѣшку, надъ ними вкругъ
 порхая;
 Пока не оплешипъ — равно всѣ милы ей.
 Нѣтъ, нѣтъ! обворожень Алиною моею,

Любовью я зову, — по сердца упоенье,
Топь сладостный восторгъ—себя всего забвенье,
Когда, въ одной изъ васъ, зря блага жизни сей,
Мы мыслимъ, чувствуемъ и дышемъ лишь для ней!
Такъ! вѣрыпе лиръ въ помъ! — Всесильно Про-

видѣнье,

Когда создало міръ, и въ ономъ все шворенье,
Съ начала человѣкъ два сердца получилъ;
Но вскорѣ самъ Творецъ сердца тѣ раздѣлилъ;
Когда увидѣлъ онъ, что персть имъ оживленна,
Сама собой никакъ не можетъ быть блаженна.

Богъ женщину создалъ, — красу природы всей:
Одно, изъ нашихъ двухъ, забилося сердце въ ней;
Другое жъ въ насъ съ тѣхъ поръ, къ нему спре-

миться спало,

Чтобъ съединишься вновь—и вопъ любви начало!

Могу ли чѣмъ еще яснѣе доказатьъ,

Что должно спрашь сію высокой почитать?—

Любовь наукамъ мать! — Ея волшебна сила

Желанье нравиться межъ смертныхъ поселила;

Искусства родились—чудесь спалъ полонъ свѣшъ!

Близъ милой въ первый разъ себя позналъ Поешь:

Не въ силахъ все сказать, Амуромъ вдохновенный,

Онъ мыслью вдругъ постигъ языкъ Боговъ свя-

щенный;

Въ восторгъ лиру взялъ.... Мелодіей своей,

Плѣняя милой умъ, плѣнилъ и сердце въ ней;

Пѣлъ радостно — она веселье ощущала....

Пѣлъ счастье любви — красавица вздыхала

И взоръ пошуща свой, когда скончалъ пѣвецъ,

Краснѣяся, люблю! сказала наконецъ.

Алина, другъ души шобой плѣненной, страстной,

Уже ли богъ любви,—богъ милый и прекрасный,

Нигдѣ еще себя одну не заспаваль,

И сердце никакой мечтой не обольщаль?

Въ шестнадцать лѣтъ, собой украсивши природу,

Тебѣ ли счастьемъ звать обманчиву свободу?....

Нѣтъ счастья безъ любви!—Для хладнаго душой,

Казашься долженъ мѣръ могилою пустой!....

И чѣмъ себя любовь Алина испугала?....

Оковы лишь изъ розъ она всегда сплешала;

Не тяжко — сладостно, вѣрь, цѣпь ея носишь;

Неволя съ ней милѣй свободы можешъ быть!

Вас. Головинъ.

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

(Изъ Ламартина).

Какъ часто на горѣ, подъ сѣнію дубовъ,
 Сижу задумчивый и грустью омраченной;
 И взоръ блуждаетъ мой по зелени луговъ,
 Вечернимъ солнцемъ озаренной.

* *
*

Здѣсь быстрая рѣка волнуется, шумитъ
 И вьется въ синевѣ за мрачными лѣсами;
 Тамъ озеро въ дали, какъ зеркало стоитъ
 И Бесперъ блещетъ въ немъ лучами!

* *
*

Уже мерцающей зари послѣдній свѣтъ
 Верхи туманныхъ горъ уныло озаряетъ,
 И блѣдный ликъ луны задумчиво встаетъ
 И холмы дальны осребряетъ.

* *
*

Межъ тѣмъ, исторгшись изъ башни вѣковой,
 Священный, тихій звукъ въ долину опозвался:
 Прохожій слушаетъ, склоняся на посохъ свой; —
 И день съ заботой миновался.

* *
*

Но, ахъ! въ душѣ моей уже воспорговъ нѣтъ:
 Все мертво для нее, всё прелести увяли!
 Какъ безпріютна пѣнь, взираю я на свѣтъ,
 Я — жертва рока и печали!

* * *

Вотще съ холма на холмъ я взоръ бросаю свой,
 И въ мысляхъ горестныхъ всё виды обпекаю;
 Вотще прелестный міръ открытъ передо мной;
 Нигдѣ оправды не встрѣчаю!

* * *

Къ чему сіи луга, черпоги, хижинъ кровъ?
 Ихъ прелестъ для меня на вѣки улещѣла!
 Къ чему сіи скалы, долины, сѣнь лѣсовъ? —
 Земля безъ друга опустѣла!

* * *

Туманы ль въ небесахъ, иль ясный день
 блеспишь; —
 Опъ дней я ничего себѣ не ожидаю!
 Встаешь ли царь свѣшилъ, иль къ западу спѣшишь;
 Увы! его не примѣчаю!

* * *

Все, все отверженнымъ предстало бъ предо
 мной,
 Хотя бы въ слѣдъ за нимъ повсюду я стремился:
 Желанья умерли, любимыя душой! —
 Весь міръ въ пустыню превратился!

* * *

Почто жь я не могу, оставя дольный прахъ,
О милая души! шамъ вспрѣшпшься съ побою?
Почто еще мой духъ живепъ въ земныхъ цѣпяхъ?
Уже весь свѣшъ оставленъ мною!

* * *

Когда листъ падаепъ, поблекшій опъ вѣшвей,
Вечернй вѣпръ вспаепъ и мчпшъ его съ долины!
И я, и я какъ листъ!.... Умчи жь меня скорѣй,
О часъ желанныя кончины!

Волковъ.

XV.

ЗЕМЛЯ БЕЗГЛАВЦЕВЪ.

Ты знаешь, любезный другъ, что я на своемъ вѣку довольно пупешествовалъ : часть моихъ спранствованій тебѣ извѣсна; другую я оплагалъ сообщить тебѣ , опасаясь, что даже ты, увѣренный въ моей правдивости, сочтешь ее, если и не ложью, по крайней мѣрѣ произведеніемъ распроееннаго, больного воображенія.

Но недавно возвратился въ Москву мой пріятель — Лейтенантъ М . . . онъ столько мнѣ рассказывалъ чудеснаго объ Сибири, объ мамонтовыхъ рогахъ и косяхъ, объ Шаманяхъ и Сѣверномъ сіяніи, что нѣсколько ободрилъ меня на счетъ моего собственнаго пупешествія. Къ тому жь на дняхъ я перечелъ всему свѣту извѣстныя, дивныя, но справедливыя пожденія Англичанина Гулливера. Уже ли въ моемъ повѣствованіи встрѣпишь болѣе невѣроятностей?

Въ мою бытность въ Парижѣ однажды Апрель...аго дня 1821, въ прекрасный, весенній день изъ улицы Св. Анны, гдѣ жилъ, отправился я на гулянье. Тогда праздновали кре-

спины Дюка Бордоссаго. Въ числѣ зашѣйниковъ, пѣшившихъ зѣвакъ полей Элисейскихъ, нашелся воздухоплаватель, преемникъ Монгольфьера. Я набрелъ на толпу, окружавшую его. Онъ готовился подняться и вызывалъ кого нибудь изъ предсоящихъ себѣ въ соупники. Друзья мои — Парижане не прусы, но на сей разъ, что-то колебались. Подхожу, спрашиваю о чемъ дѣло и предлагаю смѣльчаку свое поварищество. Мы сѣли, взвились и въ два мига огромный Парижъ показался намъ муравейникомъ. Какъ описать чувство гордости, радости, жизни, которое тогда пролилось въ меня! исчезло для меня все неизменное; я воображалъ себя духомъ безплошнымъ. Казалось для меня осуществились мечты одного изъ Пифагоровыхъ послѣдователей: „по смерти буду бурей, съ „конца земли пронесусь въ конецъ земли; „душа моя обрѣшетъ языкъ въ завываніяхъ, „найдетъ шѣло въ океанахъ воздуха! или „нѣтъ, буду звѣздою вовѣкъ восходящею: „ни время, ни пространство не удержатъ „меня; воспарю и не будетъ предѣловъ мо- „ему паренію!“

Усилія моего вожагаго спустили челнокъ прервали мои сладостныя думы и видѣнія: газъ, исполнявшій шаръ, былъ необы-

кнovenно понокъ и лежокъ; мы поднялись на высоту необычайную, намъ дышатиъ спало трудно: вдругъ обморокъ обуялъ обоихъ насъ. Когда очнулся, я увидѣлъ спрану мнѣ во все неизвѣспную: по горло въ пуху лежалъ я возлѣ Француза, не пришедшаго еще въ чувспво; челнокъ нашъ носился надъ нами, игралице вѣспровъ. Мало по малу мы вспрепенулись, и спали спрашиватиъ другъ у друга, гдѣ мы? „Ma foi, je ne le sais pas!“ воскликнулъ наконецъ мой вожапый. Мы находились уже не на землѣ; перслепевъ въ безпамятспвѣ за предѣлы, гдѣ еще дѣйспвуешъ ея припяженіе, мы занеслись въ лунный воздухъ, потеряли равновѣспіе и наконецъ выпали въ пухъ мѣсячный, копорый, будучи не въ примѣръ гуще и мягче нашей правы, не далъ намъ разбиься въ дребезги.

Съ поварищемъ другаго племени, бышь можешъ, я бы впалъ въ крайнее малодушіе; но Французъ никогда не унываешъ. „Courage, courage, Monsieur!“ повспорилъ онъ нѣсколько разъ. Я вспомнилъ наше родимое небось, поручилъ себя Богу и отправился съ своимъ спупникомъ искашь похождения и счастья!

Вскорѣ прибыли мы въ довольно большой городъ, обсаженный пашкеповыми и пряничными деревьями. Мы узнали, что это Аккардіонъ, столица многочисленнаго народа Безглавецвъ. Онъ весь былъ выстроены изъ ископаемаго леденца; его обмывала рѣка Лимонадъ, изливающаяся въ Щербешное озеро.

Ни слова, любезный другъ, о произведеніяхъ сей страны: опъ часши достопримѣчательности оной изгладились изъ моей памяти, опъ часши столь чудесны, что покажутся тебѣ неправдоподобными. — Вспомни однако же, что луна не есть нашъ мѣръ подлунный.

Войдя въ городъ, Французъ остановилъ обывателя и попросилъ, намъ указать гостиницу.—Къ моему удивленію Безглавецъ его очень хорошо понялъ и вступилъ съ нами въ разговоръ. Товарищъ мой клялся, что слышитъ самое чистое Парижское нарѣчіе; мнѣ показалось, что Безглавецъ говоритъ по Русски. Мы опобѣдали, сняли со стола, слуги вышли и я спросилъ своего спутника: „Какъ и чѣмъ мы расплашимся?“ Il faut voir! отвѣчалъ безпечный клеветъ похождения мои. — Входишь мальчикъ и на вопросъ мой отвѣчаетъ: „пятьдесять

палочныхъ ударовъ и чешыре пощечины, копорья принявъ опъ васъ немедленно явился самъ хозяинъ. — Надѣюсь, что и меня, сударь, вы поспрудитесь надѣлишь пинкомъ или оплеухою!“ — Мы расплашились. „Скажи!“ — спросилъ я попомъ у содержателя госпинницы, — „какимъ образомъ въ вашемъ городѣ вы всѣ знаете языки нашихъ опечеспвѣ?“ — „Не мудрено, Милоспивый Государь,“ — опвѣчалъ онъ мнѣ : „Акефалія граничитъ съ Бумажнымъ Царспвомъ, съ обласпями челопвческихъ познаній, заблужденій, мечпаній, изобрѣшеній! — Мы опдѣлены опъ нихъ только чернильною рѣкою и спѣною картонною!“ По сему извѣспію я потчасъ рѣшилъ шуда опсправиться, ибо Акефалія и въ опобенности сполица Аккардіонъ спали мнѣ уже съ перваго взгляда ненависпными. — Разсуди самъ, другъ мой: не правъ ли я?

Большая часть жипелей сей спраны безъ головъ: болѣе половины безъ сердца. — Зажипочные родипели къ новородившимся младенцамъ приспавляютъ наемниковъ, копорые до двадцатилѣпняго ихъ возраста подпиливаютъ имъ шею и спараются выпспавить сердце : они въ Акефаліи называються воспитателями. Рѣдкая выя мо-

жестъ успоаятъ пропивъ ихъ усилій; рѣдкое сердце вооружено на нихъ довольно крѣпкою грудію.

Я вспомнилъ о своемъ опечесивѣ и съ гордостью поднялся на цыпочки, думая о преимуществѣ нашего Русскаго воспитанія передъ Акефалійскимъ: мы ввѣряемъ своихъ дѣшей благочеспивымъ, умнымъ иноспранцамъ, копорые, хопя ни малѣйшаго не имѣюшъ понятія ни объ нашемъ языкѣ, ни объ нашей Свяпой вѣрѣ, ни о прародительскихъ обыкновеніяхъ земли напей, но всячески сисяшя вселишъ въ нашихъ юношей привязанность ко всему Русскому.

Одной черни въ Акефаліи позволено сохраниятъ сердце и голову, совершенно излишнія по ихъ миѣнію части пѣла человѣческаго: — но и самые проспюдимы сисяшя сбытъ ихъ съ рукъ и по большой части успѣваюшъ въ своихъ покушеніяхъ.

Еспествоиспытатель безъ сомнѣнія изъ примѣра Акефалійцевъ спаль бы выводилъ весьма глубокомысленныя опроверженія предразсудка, что для сущеспвованія необходимы голова и сердце: я человекъ темный и не въ состояніи вдаваться въ слишкомъ опвлеченныя умозрѣнія. Раз-

сказываю только, что видѣлъ. Одно меня поразило: съ поперею головы сей народъ спавишия весьма оспроумнымъ и краснорѣчивымъ; Акефалійцы не только не теряють голоса, но, будучи всѣ чревоушцапелами, приобръпають напрошивъ необыкновенную быспроту и легкость въ разговорахъ; одно слово перегоняеть у настоящихъ Безглацевъ другое; Каламбуры, Епиграммы, нѣжности въ запуски бѣгутъ и подобно шумному, неизсякному водопаду извергаются и попрысають воздухъ. — „Посему,“ скажешь ты — „ихъ Словесность безъ сомнѣнiя находится въ цвѣтущемъ состоянiи!“ — Не ошибешься. Хотя я въ Акардiонѣ и не долго пробылъ, однако могъ замѣтить, что у нихъ довольно много Полищическихъ и ученыхъ Вѣдомостей, Вѣспниковъ, модныхъ Журналовъ: племя Акардiйскихъ Греевъ и Тибулловъ особенно велико; они составляютъ особенный легiонъ. — Между тѣмъ Елегiи одного нѣсколько прудно опличить отъ Елегiй другаго: они всѣ швердятъ одно и тоже; всѣ грустятъ и подскуютъ о томъ, что *дважды два—пять*. — Еша мысль конечно чрезвычайно нова и поразительна; но подъ ихъ перомъ уже нѣсколько обветшала,

по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ меня одинъ изъ знапоковъ ихъ Поэзіи.

Какъ испинный сынъ Ошечества, я порадовался, что наши Русскіе Поэты выбрали предметъ, который не въ примѣрѣ богаче: съ семнадцати лѣтъ у насъ начинають разсказывать про свою опцвѣпшую молодость; наши Спихопворенія не обременены ни мыслями, ни чувспвами, ни карпинами; между пѣмъ заключають въ себѣ какую-то неизьяснимую прелестъ, непоняпную ни для чипашелей, ни для сочишпелей; но всякій не Славянофилъ, всякій человекъ со вкусомъ восхищается ими.

Избавившись опъ головъ и сердець, Акефалійцы получають ненасыпную спраспкъ палочнымъ ударамъ, которые сосшавляють ихъ пекущую монепу; сею жаждою мучапся почти всѣ: спарцы и юноши, мушцины и женщины, рабы и вельможи. — Впрочемъ, — что городъ, по норовъ, что деревня, по обычай; но безглавцы омерзѣли мнѣ по своему нелѣпному припворспву: они беспрестанно швердятъ о головахъ, которыхъ не имѣють, о добротѣ своихъ сердець, которыми гнушаются. —

Получающіе самыя жестокіе побои , ищущіе ихъ вездѣ , гдѣ только могутъ , ушверждающъ , что ихъ ненавиждяпъ.

Я оставилъ своего поварища въ Аккардіонѣ и на другой день рано по утру отправился къ предѣламъ Бумажнаго Царсва.

В. Кюхельбекеръ.

(Продолженіе когда нибудь).

XVI.

ЕРОТЫ.

Еропы между розъ и лилй ,
Играли, рѣзвились, шалили.
„Что, братцы, не пора ли намъ,“
Сказалъ одинъ — „къ другимъ цвѣтамъ?“
— Куда?— „Куда! ну, всѣ за мною!“
Сказалъ Еропъ Ероповъ рою.

Малюшки въ легкой хоръ свились
И прямо къ Лилѣ понеслись.
Тутъ всякой прятался, пѣснился:
Топъ къ шеѣ млечной пріюнился,
Топъ на малиновыхъ губахъ,
А топъ на розовыхъ щекахъ.
Иной качался на рѣсницѣ,
Другой игралъ златой косицей!

Одинъ нарочно выжидалъ....
„Усѣлись! дай же,“— онъ шепталъ,
„Я пріюшусь къ живой лилеѣ,
О! шамъ мнѣ будешь веселѣ!“
И опустился на бѣлу грудь,
Не смѣлъ отъ радости дохнуть.

Р а и т ь .

XVII.

НОВАЯ НИНА (*).

Тоска души осиротѣлой
 Мое все благо на земли:
 Веселье Нины оплешѣло,
 И розы счастья опцвѣли.

* * *

Съ слезами я зарю вспирѣчаю,
 Въ томленьи провожу весь день,
 И сна опрадного не знаю,
 Когда падетъ ночная тѣнь.

* * *

Все жду его — и жду напрасно!
 Къ нему призванья не дойдушъ;
 Онъ палъ, онъ въ бишвѣ палъ ужасной....
 Умершіе не возспаюшъ!

* * *

Ахъ! для чего объяшья славы
 Моей любви пы предпочелъ?
 За чѣмъ, о Викторъ, въ бой кровавый
 Одинъ безъ милой полешѣлъ?

(*) Содержаніе сей пѣсни заимствовано изъ одного происшествія; случившагося въ опечетвенную войну 1812 года.

Тамъ вмѣстѣ бы насъ смерть сразила,
 Сплета вѣнецъ супружній намъ, —
 И съ другомъ мрачная могила
 Былабъ для Нины свѣтлый храмъ.

* * *

Теперь оставленна въ спраданьѣ,
 Скипаюсь въ міръ сиротой;
 Одна всѣмъ рѣчь, одно спенанье:
 Гдѣ Викторъ мой? гдѣ Викторъ мой?....

* * *

И голосъ скорби ужъ слабѣеиъ,
 Краса увяла юныхъ лѣтъ,
 Разсудокъ гаснеиъ, взоръ темиѣеиъ —
 Ни мысли, ни желаній нѣтъ!

* * *

Но близокъ часъ! поско губитель
 Разспоргнетъ цѣпь печальныхъ дней:
 Прими меня въ свою обитель,
 Прими, о Викторъ мой, скорѣи!

С. Н.

XVIII.

Р . . . . В У.

Люби и пой, поварищъ мой,
 Богатой юности бывшее,
 На полъ чести славный бой,
 Любви побѣды надъ собой
 И все для сердца дорогое.
 Ты помнишь первый нашъ бивакъ
 Подъ свѣплымъ заревомъ, въ дубравѣ,
 И къ первой биплѣ данный знакъ
 И мысль неопытныхъ о славѣ!
 И жизнь, въ обманчивой красѣ,
 Ея мишурныя игрушки,
 Минушы 'радостныя всѣ
 И образъ мнленькой паспущки;
 Ты помнишь мѣсто въ первый разъ,
 Куда волшебница явилась,
 И гдѣ душа воспламенилась
 Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.

Пусть измѣнишь любовь и время,
 И умъ и память оплешаешь:
 Влача безжизненности бремя,
 Ты будешь все еще богатъ . . . .

Онъ пойдуть съ тобой до гроба —
Твои прекрасныя мечты,
И вы умрете вмѣстѣ оба —
Воспоминанія и — ты!

К о н ш и н ъ.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ

Qui palpitent de l'interêt du moment, какихъ
неопшпупно пребоваль опъ Издапелей Мнемозины Рецензенпъ оной Г. В. (См. Но XIV
Новоспей Литерапуры и II-й часпи Мнем.
спр. 165).

XIX.

Отвѣтъ Господину С....., на его Разборъ I части Мнемозины, помѣщенный въ XV Но Сына Отечества.

Не знаю, къмъ писанъ помѣщенный въ XV номеръ Сына Отечества Разборъ первой части, издаваемой нами Мнемозины. — Не смотря на то, что нѣкоторыя мнѣнія сочинителя сей статьи, какъ мнѣ кажется, несправедливы, — я не подозреваю его ни въ *лицнолѣ*, ни *мѣстномлѣ пристрастіи* (*) (предубѣжденіи?) и потому — по счишаю приапною для себя обязанностію отвѣчать ему.

Начну съ признанія. — Спрого Г. С.... судишь о наружномъ видѣ Мнемозины; но къ несчастію — — — —

On fait ce qu'on peut,
Et ne pas ce qu'on veut!

Въ слѣдъ за симъ грознымъ приговоромъ, сказавъ о *Старикахъ Острова Пан-*

(*) Слова Г. С....

хати Кн. Одоевскаго, что мысль, служащая основаніемъ сей спашьи весьма остроумна; что въ ней есть счастливыя выраженія и вѣрныя замѣчанія, Г. Рецензентъ спрашиваетъ :

„Когда же складны сны бываютъ?“

Такимъ вопросомъ, по моему мнѣнію, не должно бы оканчиваться сужденіе о спашьѣ, достоинство коей признаетъ самъ Г. Рецензентъ.

Далѣе: разбирая мое описаніе Дрезденской Галлерей, онъ предполагаетъ, что художникъ можетъ изобразить: *идеаль безобразія*. Что такое идеаль безобразія? Не поже ли равно, что *свѣтлая темнота* или *знойный морозъ*?

Г. Рецензентъ находить слишкомъ рѣшительнымъ мой приговоръ, что Рубенсъ лишенъ всякой прелести. — Увѣренъ, что въ моемъ обзорѣни Дрезденской Галлерей много ошибочнаго, много незрѣлаго, увѣренъ, что пеперь на карпины, составляющія сіе собраніе, я самъ смотрѣлъ бы совершенно другими глазами; — оппечаталъ же я свою спашью именно для того, чтобы она вспрѣшила просвѣщенныхъ, умныхъ прошивниковъ и чтобы пѣмъ обратила вниманіе нашихъ Императоровъ и путешеш-

спвенниковъ на теорію Изящныхъ Искусствъ вообще и живописи въ особенності. — Но дабы убѣдиль меня въ томъ, что и Рубенсъ можетъ быть *прелестнымъ*, Господину Рецензенту, кажется, надлежало бы привести другія доказательствъ, а не указать мнѣ на такъ называемую Исторію Маріи де Медичи — рядъ сухихъ, холодныхъ, иносказательныхъ картинъ, находящихся въ Луврской Галлерей, произведеній, достойныхъ примѣчанія — по одной своей огромности.

Г. Рецензентъ спрашиваетъ, гдѣ я нашелъ, что краски Рембранта мутны и увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ портретахъ, находящихся въ Санктпетербургской Эрмитажной Галлерей, онъ, *п. е. Рембрантъ*, блистаетъ *всею (?) свѣжестью*, не смотря на *разстояніе вѣковъ (?)*, которые не могли его потемнить *въ своемъ полетѣ (?)*. Галлерей Дрезденскую помню лучше Санктпетербургской Эрмитажной, ибо по моемъ возвращеніи изъ-за границы не удалось мнѣ вновь посѣтить сію послѣднюю. — И такъ, быть можетъ, Г. Рецензентъ правъ; но онъ забываетъ, что говорю о Дрезденѣ, а не о Санктпетербургѣ; объ Историческихъ картинахъ, а не о лиценачерпаніяхъ (*лице-*
МНЕМОЗИНА. ЧАСТЬ II. 11

натертанія — съ позволенія Г. Рецензенца).

Долгъ плашежемъ красень; на вопросы Г. Рецензенца осмѣлюсь и я предложипь ему вопросъ: гдѣ Г. Рецензенцъ нашель, что нахожу больше прелести въ картинахъ Альберта Дюрера и Луки Кранаха, нежели во всѣхъ произведеніяхъ Фламандской школы?

Въ отношеніи къ *искусству*, прелести, обдѣлки, говорю (на спр. 78 Мнем.) что лучшее мною видѣнное произведеніе спаринной Нѣмецкой школы, Мадонна Гольбейна *можетъ* выдержатъ сравненіе съ картинами лучшаго времени Нидерландской школы: гдѣ же шупъ предпочпеніе? — Что же касается до *Поэзіи*, до *души*, епо иное дѣло! Чувства, шеплоту и вдохновеніе — испинныя, главныя достоинства прямой Поэзіи — я почно въ самыхъ безобразныхъ созданіяхъ Луки Кранаха и Альберта Дюрера вспрѣчалъ чаще, нежели въ большей часпи *выглаженныхъ*, *вышценныхъ* порожденіяхъ Фламандской кисти.

Г. Рецензенцъ недоволенъ моимъ слогомъ; спранно было бы опвѣчатъ: вы ошибаетесь, Г. Рецензенцъ, слогъ мой хорошъ! И такъ, ограничиваюсь полько объявленіемъ, что въ 1-ю часпъ нашего изданія вкралось безъ

нашей вины множество опечапокъ. Это насъ конечно не оправдываетъ и не можетъ оправдать въ глазахъ нашихъ читашелей, копорымъ наши обспояпельспва неизвѣспны и копорымъ до нихъ нѣтъ никакой нужды. — Сверхъ того, Г. Булгаринъ говоритъ, что на счетъ опечапокъ можно опнеспи *многое*: и почно смѣшно бы было назвапъ опечанками всѣ погрѣшности, вспрѣчающіяся въ нашей Мнемозинѣ. — Впрочемъ не сомнѣваюсь, что благонамѣренный (въ *истинномъ* смыслѣ сего слова) Рецензентъ мой, помѣспивпій свою критику въ Сынѣ Опечеспва, повѣритъ мнѣ, что *раковидная* вмѣспо раковинная, *полеты* вмѣспо *портреты*, *сынове* вмѣспо *сыны* почно и ничто иное, какъ опечашки.

Наконецъ я долженъ извинишься передъ своими читашелями, что въ своемъ отвѣтѣ на Разборъ Господина С . . . . сполько говорю о самомъ себѣ : самъ почтенный мой Рецензентъ подалъ мнѣ къ тому поводъ, ибо распреспраняется всего болѣе объ моихъ спашьяхъ.

Еще упомяну, что Господинъ С . . . . . говоря объ опривкахъ изъ прекрасной Комедіи Князя Шаховскаго, спрашиваетъ для чего въ оныхъ вспрѣчающіяся слова спрудныя

для выговора и для понятія, на примѣръ: *нелжевтныя уста?*—*Нелжевтный*—слово по моему мнѣнію весьма понятное, — пріятное слуху, а для выговора ни мало не затруднительное.

Въ заключеніе благодарю Господина С.... за его Разборъ спрогій, но умный, неприспрастный, писанный со всѣмъ благородствомъ, долженствующимъ оплечить истиннаго Литтератора ошъ Ариспарха въ родѣ пѣхъ, изъ копорыхъ одинъ въ Литтературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду также разбираетъ Мнемозину, или, лучше сказать, всячески силился изверкать, изуродовать и обругать ее. Впрочемъ, я не рѣшусь для забавы доброхотной Публики, унижить себя перебранкою съ Господиномъ В. Кто бы онъ ни былъ: явное его недоброжелательство и безъ того за меня вооружается!

В. Кюжельбекеръ.

XX.

Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекеру.

Село Никольское.

Вѣкъ новой—вкусъ другой! *художники-тираны*
Теперь вездѣ творятъ *пригорки и курганы!*

говоритъ Г. Воейковъ, въ своемъ знамени-
томъ переводѣ Садовъ знаменитаго Делиля!

Битыхъ два часа повпорялъ я сіи и-
стинно пѣсическіе стихи, получивши опъ
себя, любезный другъ, письмо и XIV No
животрепещущихъ (*) (qui palpitent de l'interêt
du moment) *Новостей Литературы*, издава-
емыхъ Г. Воейковымъ. И подлинно! — Те-
перь не то, что въ старину бывало! те-
перь попробуй кто-либо, еще не пріобрѣв-
шій *знаменитости* или, что все равно,
знаменитыхъ друзей, пускаться съ какимъ-
либо изданіемъ въ рукахъ — на поприще
славы, то разомъ и запнешся о какую-ни-
будь *куту* мусора!

Впрочемъ дѣло не въ томъ. Спашью Г.
В. о Мнемозинѣ я чиналъ моимъ добрымъ

(*) Терминъ технической рыбныхъ торговцевъ;
правильнѣе: животрепещущій.

сосѣдямъ и старому дядькѣ моему Дмитрію, копорый, подобно многимъ нашимъ Литерапурнымъ Судіямъ, хопя ничего не смыслишь и ничего не чипаетъ, но о всемъ судишь любишь и почиаетъ себя весьма ученымъ попому, что много на своемъ вѣку разрѣзаль листовъ въ моихъ книгахъ. Должно признаться, что еша спашья всѣмъ чрезвычайно полюбилася, — а особливо моему дядькѣ Дмитрію — (онъ въ ней находилъ какую-то чудную Аналогію съ своимъ образомъ мыслей и выраженій); — ибо едва я окончилъ, какъ всѣ обратилися на насъ съ шобою и на изданную нами Мнемозину: одинъ швердилъ объ *опечаткахъ*, другой объ *картинкахъ*, прешій объ *обверткѣ*, чешвертый о *форматѣ*: мнѣ показалася, что меня окружають олицетворенные Журналы. Я принялся шолковать ешимъ господамъ, что не должно всему *печатному* вѣришь; доказываль, что всякой можешъ ошибашся — уже начиналъ было убѣждать ихъ, какъ прокляпой мой Дядька, желая показашь свою начипанность, воскликнулъ:

„Нѣтъ! напечатанное въ *Новостяхъ Литературы* не можешъ бышь ни дурно, ни несправедливо!“

— Почему такъ! — спросилъ я съ изумленіемъ.

„Попому, что ихъ издаешь Г. Воейковъ, а онъ въ прошедшемъ, помнился, году, объявилъ, что всѣ его мысли блещутъ острою и свѣжестію — — —“

— Ничего не бывало! гдѣ же это? —

„Въ Посланіи къ Женъ и Друзьямъ, напечатанномъ въ Сынъ Отечества“ — торжественно сказалъ мой Дядька, какъ бы удивляясь своей необыкновенной памяти.

Сосѣди мои снова на меня вооружились. Снова заговорили о своей доверенности къ печатному! — Тщепно я представлялъ имъ, что хвалить себя есть не иное что, какъ обрядъ, необходимый при полученіи знаменитости — и что въ глуши только можно почищать это чѣмъ либо другимъ, а не обрядомъ, что такъ наприм: даже ужъ и другой извѣстный Писатель объявилъ вселенной посредствомъ восхищительнаго Дамскаго Журнала (*), что никто не мо-

---

(*) Кажется въ 9 номерѣ. Я спрашивалъ у подписчиковъ, на Дам. Жур. но всѣ они отказались удовлетворить моему любопытству. У всѣхъ листы номеровъ сего Журнала были не разрѣзаны: а я не могу сказать къ копо-

жестъ превзойши его въ искусствѣ писанья и въ знаніи языка Русскаго; что ешо объявленіе почтено вещью столь обыкновенною, что никто даже не замѣнилъ его. Ты догадаешься, любезный другъ, что я не сказалъ имъ ни слова, ошъ чего такого рода объявленіе никому не показалось спраннымъ — а шо бы еще болѣе простодушные мои сосѣди ушвердились въ мысли, что на право *хвалять себя дается привиллегія!*

Долго продолжался споръ; я уже начиналъ ослабѣвать, — какъ вдругъ добродушному Дядкѣ моему — жаль меня спало; онъ съ ироническою улыбкою замѣнилъ ниже слѣдующія обстоятельство: 1) что Мнемозину браняшъ безъ пощады только въ двухъ Журналахъ, хопя опличныхъ и образцовыхъ: въ *Новостяхъ Имперашуры*, издаваемыхъ Г. Воейковымъ и въ восхипительномъ *Далскомъ Журналѣ*, издаваемомъ Кн. Шаликовымъ. 2) Что въ *Невскомъ Зрипелѣ пы* (Кюхельбекеръ) крипиковалъ стихи Г. Воейкова, а я грѣшный въ *Вѣсп-*

рому именно номеру принадлежишъ панильотка дамы, на которой я читалъ выше сказанное объявленіе. О д.

никъ Европы издѣвался надъ Дамскимъ Журналомъ ; наконецъ 3) что стрѣлы крипики Новостей Липерапуры обращены въ особенности на тебя, а обвивши фіалками булавки и шпилки *Дамскаго Журнала* пронзають мое нѣжное, чувствительное сердце.

„Прочь подозрѣнія!“ воскликнулъ я съ досадою — „я увѣренъ, что крипики пишущаго единственно для пользы Словесности, а не для удовлетворенія мѣлочному мщенію.“

Еще слова снова заспавили моихъ сосѣдей воспастъ на меня.

Не даромъ говоришь одинъ знаменитый Писатель:

„Мѣняетъ водоскатъ характеръ иногда!“

См. Сады Делия, пер. Г. Воейкова II. 3, стр. 96 стр. 19).

Едва вооружились на меня сосѣди, какъ и Дядька мой къ нимъ присоединился; они спользѣ кричали, спользѣ находили недостатковъ въ Мнемозинѣ, что я хоща и Издашель оной, но былъ почти убѣжденъ ими; и руководимый безприсприастіемъ, которое, какъ извѣстно въ наше время есть господствующая добродѣтель Журналистовъ, вознамѣрился пожуришь тебя поряд-

комъ. — Увѣренъ, что ты по благородству души твоей, за которое поручишься Издапель *Литературныхъ листковъ* (смолп. No 5, стр. 135), не разсердишься на меня за епо.

Начну съ того, что ты не умѣешь писать кришикъ; такъ наприм., когда ты разбиралъ въ Невскомъ Зришелъ *извѣстные знаменитые стихи*, по просто указывалъ на бессмыслицу, на наборъ словъ, на недоспашокъ Поэзіи.

Милый другъ, такъ ли пишушь нынѣ Рецензіи. Загляни въ 14 номеръ *Новостей Литературы* и полюбуйся! Тамъ не по твоему! Тамъ изъ твоихъ піесъ выбраны фразы, большая часть изуродованы, или которыя опдѣльно не имѣюшь никакого смысла, даже смѣшны, а инья и просто не смѣшны; да въ низу подъ ними поржесственнo и поставлено: „*Вотъ ошибки противъ того и того!*“

Далѣе: какъ тебѣ вздумалось, согласишь на мое предложеніе издашь *Мнемозину* въ 4 часпяхъ, когда въ Германіи всѣ Альманахи бываюшь въ одномъ. Ты мнѣ скажешь на епо: „*Мнемозина не Альманахъ, мы брали только составъ и разнообразіе Альманаховъ въ образецъ нашему*

собранию, а совсѣмъ не наружной ихъ видь.“ (*) Но мой Дядька и Г. В. полкуютъ другое: за чѣмъ Мнемозина не издана почь въ почь шакъ, какъ издаюшся Альманахи въ Германіи?—Развѣ пы забыль, что подражаніе чужеземцамъ должно бышь цѣлю всякаго испиннаго Липератора - не Славянофила! напрымѣрь Французы ударились въ Дидакпическій родъ и мы за ними, переводимъ *Сады*, сами перекладываемъ всѣ *Науки* и *Искусства* въ вирши и въ епомъ, должно признашся, шагнули мы далѣе иносстранцевъ: у нихъ шолько Дидакпическая, а у насъ ешь и *Географическая* и *Статистическая* Поэзія; сему примѣромъ могушь служить слѣдующіе прекрасные стихи въ образцовомъ Посланіи къ моему Другу-воспитаннику сочиненія Г. Воейкова (*Вѣспникъ Европы* 1818 года, Но 12, стр. 265):

Тамъ Браминскій пагодъ и подлѣ храмъ Армянской;
И церковь Лютеранъ
Съ мечешью шамъ Магомепанской;
Тамъ церкви Греко-Россіанъ

(*) Въ шакомъ родѣ была издана Аглая Г. Карамзинымъ, а въ Мнемозинѣ шолько прибавлены ношы и карпинки.

Въ сосѣдствѣ съ церковой *Католицкой* (?).
 Съ Гернгутерской спояшъ;
 Часовня старовѣрцевъ въ рядъ
 Съ кибиткой идоловъ *Калмыцкой*

ИЛИ:

Съ какою сладостью бросалъ я жадный взглядъ
 На пестрое сіе собраніе *Лезгинцевъ*,
Хивинцевъ, *Калмыковъ*, *Бухарцевъ*, *Кабар-*
динцевъ,

Киргисъ-Кайсаковъ, *Персіянъ*,
Каракалпаковъ и *Армянъ*.

Грузинъ, *Черкесъ*, *Татаръ*, *Индійцевъ* и
Дугорцевъ,

Уральцевъ и *Донцовъ*

И *безпощадныхъ Черноморцевъ*,

И *страшныхъ хищныхъ Гребенцевъ!*

(*Галибъ же*).

ИЛИ:

На стогнахъ я встрѣчалъ гостей, кунцовъ

Изъ четырехъ земли концовъ:

Французовъ и *Американцевъ*,

Евреевъ, *Англичанъ*,

И *Грековъ* и *Датчанъ* (?)

И *черныхъ Африканцевъ*.

(*Галибъ же*).

Ты спросишь: можетъ быть, что за народъ *Датгәне* (вмѣсто *Дйтгане*), что за *Католицкая* церковь (вмѣсто *Католическая*) епо ничего, стихопворныя вольности!

Ты часно полкуешь, что различіе слога *низкаго* опъ *высокаго* зависипть единспвенно опъ того — *высоки*, или *низки мысли*, или *выражаемыя*; — мой Дядька и Г. В. ушверждаюпть, что еспть слова *низкія* и *высокія* (*) — наприм. ты разбирая Рубенсову каршину: пьяный Геркулесь въ сообществѣ Вакханта и Фавна — говоришь, что *по твоему мнѣнію* Геркулеса можно

(*) Словами *низкими* можно лишь называть тѣ слова, которыя выражаютъ *низкія* понятія, *высокими* — напрощивъ; но такихъ словъ весьма мало; большую часть словъ не лзя опнести ни къ тому, ни къ другому разряду, ибо *понятіе* каждаго слова опредѣляется понятіями словъ окружающихъ; такъ напр. слово *уцѣлѣть* въ выраженіи: *ягодка уцѣлѣла на деревѣ* — можетъ быть названо *низкимъ*, и напрощивъ *высокимъ* въ выраженіи: *уцѣлѣтъ отъ руки сильнаго*. Слово осталось тоже, но перемѣнилася мысль, коего одежда — слогъ.

было представить въ веселомъ забвеніи
опъ даровъ Вакховыхъ, но не въ скопскомъ
униженіи; *Рубенсъ* же изобразилъ не Герку-
леса, а плотника, дикаря, или другаго мощ-
наго сына земли, обезсиленнаго упоеніемъ.
Подчеркнутыя слова, копорыя одни и вы-
спавлены въ Разборъ (брани?) Г. В. весьма
смущающъ моего Дядьку и Г. В.; они не мо-
гутъ повѣришь, чшобы такое сравненіе
могло имѣшь мѣсто въ письмѣ. — Нѣтъ!
ты поучись у Г. Воейкова соспавляшь
сравненія. Какъ величественно сравни-
ваешъ онъ въ і пѣсни Поэмы: Искусства и
Науки (Смоп. Вѣсп. Евр. Но 21) *Солнце*
съ Царемъ, *Планеты* съ Придворными, а
Колеты съ Послами, копорыя

. . . . Изъ міра въ міръ лепящъ
И между сферами (?) союзъ (?) любви (?)
крѣпятъ (?)

Вошь испинная Поэзія!

Ты говоришь въ (нѣкопорыхъ) Спихо-
шворцахъ много *воды*. Какая дерзкая мета-
фора! — По дѣломъ гнѣваюшся на тебя за
ешо мой Дядька и Г. В. — Ты вѣрно вѣдь
хопѣлъ намекнушь на нашихъ *Поетовъ-
Географовъ*! О tempora! о mores! Таковы
ли метафоры нашего Писателя. У него

. . . . . Смѣюся памъ луга
И улыбаются цтесы—исполины!

См. Посл. къ Другу-Восп. Г. Воейк.

Прелесно! — Мнѣ кажется я вижу епошь ушесъ! какъ вылезаетъ онъ изъ за луга! какъ спрашно скалитѣ зубы на проходящихъ.

Должно признашься, что мнѣ весьма часпо случалоса видѣшь *слѣхѣ*, при чпеніи твореній Г. Воейкова; шакъ наприм. какое счаспливое выраженіе: (Смоп. Сады Делиля, спр. 14).

Слѣтсся ананасѣ, благоухаютъ розы.

Ужасно! *зубастый ананасѣ* спойтѣ *зубастаго цтеса*.

Въ своемъ Пупешествіи ты говоришь къ чему-шо: *Идеалѣ вѣ искаженномѣ видѣ!* Зависпники говорятъ, что епо почъ въ почъ Виргилій и Делиль въ переводахъ Г. Воейкова; но я, какъ ревностный почишпель сего Писапеля, вмѣснѣ съ своимъ Дядькою и съ Г. В. не доволенъ симъ выраженіемъ.

Ты говоришь: *лакомаа дѣвѣщика; жесткая школа* (говоря о живописи); *полуденные*

елазки. Жаль, что Г. В. не сказала почему именно не приличны сіи Епипешы — но они дурны, попому что ему, какъ равно и Дядькѣ моему, такъ хочется. — Вошь что значить не читать сочиненій Г. Воейкова; у него найдешь:

. . . . . и черныхъ змѣй

Узорныхъ ящерицъ и росписныхъ червей,

(Смон. Опрыв. изъ 1 пѣсни Поэмы Искусства и Науки).

Какая Поэзія!

У него же: найдешь и

Сіяющіе луги и темный дракъ и проч. и проч. (Смон. 1821 Сынъ Опечесства No 19, Опрывокъ изъ Поэмы Делиля: Воображеніе).

Пойдемъ далѣе: сколько у тебя Грамматическихъ ошибокъ! наприм. ты говоришь: „она (т. е. карпина) *по мнѣ*, одна изъ лучшихъ Рубенсовой кисти!“ Въ словахъ *по мнѣ*, мой Дядька и Г. В. находятъ ужасную Грамматическую ошибку! Жаль, что они не могутъ объяснить какую. Ты скажешь, можетъ быть, что *по мнѣ* есть сокращеніе фразы: *по моему мнѣнію*; но такъ ли мой другъ сокращаютъ! Вошь что зна-

чипгъ не чипашъ сочиненій Г. Воейкова !
загляни въ его образцовый переводъ Опы-
ровка изъ IV пѣсни Поемы: Воображеніе;
(Смоп. 19 Но Сына Опечесства на 1821
годъ).

Тамъ ты найдешь :

Ревнивый къ знаніямъ, молодой искусствъ
любителъ (*)

Въ немъ славу живопись , въ немъ
счастье зрѣлъ родитель.

Горѣлъ желаньемъ въ сей хладный мракъ
сойтитъ . . . .

Не говорю уже о доспойномъ подража-
ніи словъ: *сойтитъ* , но обращу швое вни-
маніе на то, что въ семь стихъ

Въ немъ славу живопись, въ немъ счастье
зрѣлъ родитель

для краскоспи , а не для спопы и роди-
шель — *зрѣлъ*, и живопись — *зрѣлъ* ; впро-
чемъ такіе прекрасныя сокращенія, споль-
смѣло возспающія прошигъ всякой Грам-
машки , часпо встрѣчаются въ сочинені-

(*) Сирѣчь: *охотникъ*, какъ замѣчаспъ одинъ за-
виспливый Кришикъ.

якъ Г. Воейкова; такъ говоришь онъ въ
первой пѣсни Поемы Искусства и Науки (*)

Онъ (п. е. Планеты) рабы Царя, а Царь
законовъ ихъ;

п. е. и Планеты — рабы и Царь — рабы.

Ты говоришь: „недоспашки его славнаго
ученика *Вандейкѣ*.“ Видимая опечатка—ты
скажешь. Такъ! но еша опечатка сдѣлана

..... Во время, въ пору, къ спаши —

Ибо замѣняяпъ Родительный падежъ
Именипелнымъ и вообще смѣшивапъ всѣ
падежи, ешопъ обычай давно уже введенъ
въ нашу Словесноснпъ *знаменитылиб* нашимъ
Писапелемъ. У него ты найдешъ въ по-
слѣднемъ и слѣдспвенно лучшимъ его про-
изведеніи (**)

Спарикъ скорбитъ душой о юныхъ дней
упрапъ;

И зря, чпо лишній онъ на сценѣ сходипъ
съ ней

И ничего не ждешъ опъ *время* и людей.

(*) Вѣстникъ Европы 1818 года No 21.

(**) См. Отрывокъ изъ Поемы: Воображеніе соч.
Делиля, переводъ Г. Воейкова въ Новосп.
Литер. 1824 No 16.

По неволѣ подумаешь шутъ, что *время* въ Именишльномъ: *время*. Вотъ какими словами обогащаютъ Словесность наши Писатели.

Тамъ же у Г. Воейкова найдешь :

У жизни на пиру Богами приглашенный,
 Гость запоздалый брашнѣ вкуснѣй-
 шихъ пресыщенный

вмѣсто: *пресыщенный вкуснѣйшими браш-
 нами*. Не говорю уже о чудной гармоніи
 выраженія: *брашнѣ вкуснѣйшихъ пресыщен-
 ный*; оно напоминаетъ Польскую скорого-
 ворку :

Хрснжъ брнжы въ прщцинѣ !

Ты говоришь: „догь нѣкотораго тамош-
 няго живописца.“ Плеоназмъ! восклицаешь
 мой ученый Дядька. Ты скажешь можешь
 быть, что при *тамошней* необходимо
 слово *нѣкоторый*, ибо иначе можно поду-
 мать, что *тамъ* только *одинъ* и былъ
 епошь живописецѣ. — Но моего Дядьку и
 Г. В. не разувѣришь. Тщепно ты будешь
 толковать имъ, что есть цѣлыя Дидак-
 тическія Поемы, копорыя не что иное, какъ
 одинъ, но *огромный* Плеоназмъ!

Ты говоришь: „здѣсь сражался Густавъ Адольфъ за свободу мыслей!“ епо выраженіе чрезвычайно не нравилося моему Дядькѣ и Г. В. — Жаль, что они не могутъ объяснить почему.

Я уже сказалъ выше, что Г. В. находилъ какой-то *низкій слогъ*, соспавленный изъ какихъ-то *низкихъ словъ*; къ сему слогу онъ относитъ слѣдующее: *Псы залились лаемъ. Расположиться на житье. Земляки всѣ его знали. Онъ входилъ во всѣ притины.*

Напрасно Г. В. не предложилъ способа выразить сіи *мысли* слогомъ *высокимъ*, каковой напр. вспрѣчаемъ въ переводѣ Ошривка изъ Поемы Воображеніе Делиля (*)

Тамъ найдешь :

. . . . . Сей пышный градъ снабжалъ

. . . . . Огромностію скаль

и л и

И къ довершенію бѣдъ къ несноснѣйшей поскѣ

Свѣпильникъ догорѣлъ почти въ его
рукѣ . . . . .

. . . . .

Какъ вдругъ за чпо-по онъ ногою зацѣпился !

(*) См. 19 Но Сынъ Отечества 1821 года.

Теперь я намѣренъ съ побою пополковашь о маленькихъ невинныхъ хипросяхъ Г. В.: я уже имѣлъ случай упоминашь о томъ, что фразы, взятыя изъ своихъ пьесъ, всѣ изуродованы (*); это правило Г. В. распространилъ и на всю Мнемозину.

Изъ прекрасной Комедіи *Аристофанъ*, выбраны стихи, опдѣльно неимѣющіе никакого смысла и нарочно поставлены вмѣстѣ, какъ будто бы они составляютъ нѣчто цѣлое; ты скажешь, что такое явное недоброжелательство не проспишительно, почти не возможно (**). Неправда, сударь!

(*) Вотъ примѣръ тому: въ Мнемозинѣ напечатано (стр. 79) „Въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жершву своему вѣку: въ длинной богатой бѣлой одеждѣ, — одна изъ дочерей Мейера обезображиваешъ нѣсколько цѣлое.“ — Благонамѣренный Г. В. перемѣнилъ знаки, слова и вышло вотъ что (См. 1/4 Но Нов. Лип.): „въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесъ жершву своему вѣку: въ длинной бѣлой одеждѣ. — Одна изъ дочерей Мейера обезображиваешъ *только цѣлое!*“ — Такъ поправлены и другія фразы.

(**) Ксташи: прекрасная, оригинальная мысль нашего Комика — внесши различные мепры въ Драмму не имѣешъ счастья нравиться Г. В.

Кн. Шаховской—одинъ изъ лучшихъ Писателей нашего времени, а спашья Г. В. напечатана въ *Новостяхъ Липерапуры*.

Не правда ли, что еши хипроспи наминающъ хипроспъ, нѣкогда употребленную самимъ Г. Воейковымъ; всѣмъ извѣстно его Посланіе, написанное Гекзаметрами, въ кошоромъ онъ хотѣлъ доказать невозможность на Русскомъ языкѣ пѣхъ стиховъ, кошорые намъ выдающъ за *Гекзалестры*. Прелестно! Авторъ будто бы силился доказать красоту сего размѣра, а между пѣмъ нарочно соспавляетъ свое Посланіе изъ такихъ стиховъ, кошорые хотъ кого, шакъ заспавяпъ проклинашъ Гекзаметры. — Вопъ почему сіе Посланіе и помѣщено въ *Образцовыхъ Согиненіяхъ*.

Pour faire un soup de maitre Г. В. оканчиваетъ наконецъ свои замѣчанія, или лучше сказапъ изуродованныя выписки изъ *Адо*, ибо, повшоряю, Г. В. положилъ себѣ за правило, не опдавапъ опчета почему ему какое выраженіе нравилсъ или не нравилсъ. „Довольно!“ восклицаетъ онъ „если бы выписать всѣ несо-

---

Да какъ и нравилсъ! у Лагарпа и Батше о томъ хотъ бы полслова! *О д.*

образности слога и прот. то надобно бы переписать всю Повѣсть. Ты назовешь епу фразу обвешшалою и скажешь, можетъ бышь; что не мудрено писать такія крипики, въ копорыхъ не сдѣлавши ни одного замѣчанія, которое было бы хопя на чемъ нибудь основано, окончивъ ее выше приведенною фразою; но я какъ ревностный почипашель всего шого, что печашается въ Журналъ Г. Воейкова, не могу удержаться, чтобы не сдѣлашь подражанія оной фразѣ, и шакъ:

Довольно! я скажу въ свою очередь: если выпишашъ изъ списашья Г. В. всѣ мѣста, показывающія *глубокія знанія и дѣтское простосердесіе, любовь къ истинѣ и неподдѣланное остроуміе*, тогда надобно будетъ переписать всю списашью.

Заклучимъ: убѣжденный словами Г. В., моихъ сосѣдей, а болѣе всего моего Дядьки, я совершенно увѣрился, что мы съ побою не имѣемъ понятія о *истинной знаменитости* и о способахъ, которыми приобрѣшашю ее: мы спашаемся болѣе учишся, нежели блишашъ ложными знаніями; объявляемъ свои мнѣнія безприспрашно о *друзѣ и недрузѣ*, объ *извѣстномъ Писателѣ* и о не-

извѣстномѣ (*); и думаемъ, что чипшая Греческихъ, Лапинскихъ Классиковъ, если и заглядывашь въ Лексиконъ, по должно въ Греческій или Лапинскій. Не такъ поступають въ наше время! Знаменитость приобретають *наборомѣ словѣ* въ полномъ смыслѣ сего выраженія, копорымъ наполняютъ цѣлые Тома (и чѣмъ *толще* книга, тѣмъ обширнѣе *знаменитость*); переводящъ *Виргилія* и другихъ Классиковъ съ помощію — Французскихъ Лексиконовъ; работавшувують предъ своими *знаменитыми друзьями* и бранящъ все прочее! — Съ такими спосо-

---

(*) Здѣсь кстапи считаю замѣпить, что спашья моя: *О направленіи нашей Поезії, въ особенноти Лирической въ послѣднее десятилѣтіе*, гдѣ откровенно и можетъ быть слишкомъ откровенно говорю свое мнѣніе о сочиненіяхъ Жуковского, Пушкина и Баратынскаго (они всѣ прое друзья мои) — есть знакъ моего непритворнаго къ нимъ уваженія; ибо въ моихъ глазахъ, строгаго разбора стоящъ сочиненія однихъ людей съ талантомъ; касательно ихъ только заблужденій Крипика должна просвѣщать чипшателей, попому что ошибки Прадоновъ и Тредьяковскихъ всякому въ глаза кидаются.

Кюхельбекерѣ.

бами изъ *Перепищиковъ* попадающъ въ *Подъ-Геніи* и получающъ право увѣрять въ *остротѣ* и *свѣжести* своихъ произведеній.

• Не лзя достойно возблагодарить Г. В. за его спашью! — боюсь одного полько: въ немъ отражается *гья-то знаменитость* и попому можеть бытъ, увы! похвала опъ меня — *неизвѣстнаго* — покажеться ему хуже брани, пакже почно, какъ опъ иныхъ *Крипиковъ* брань прияпнѣ похвалы; но за епо никакъ не лзя сердиться, хопя и говоришь *нашъ Писапель*:

„Скажи мнѣ почему предметы хороши?
Въ чемъ ихъ плѣнительность?“ въ по-
требностяхъ души
Бытъ *раздражаемой!*

(См. въ *Пол. Звѣзд. Сп. Г. Воейкова*).

О д с к.

Конецъ второй части.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ первой части:

Стр.	Ст. Напечатано:	Читай:
11 с. н. 4.	порицающаю	порицающаго.
13 с. в. 3.	Компанія	Кампанія.
13 с. н. 7.	компаній	кампаній.
29 с. н. 9.	среди	срѣдь.
34 — 12.	<i>ни видя</i>	<i>не видя.</i>
42 с. н. 3.	Созія	Созія.
	Побѣда! побѣда!	Побѣда! побѣда! Ари-
	Аристофанъ	стофанъ... (<i>увидя</i>
	(<i>увидя проихѣ</i>)	<i>проихѣ</i>).
	Ай, ай!	Ай, ай!
	Какая здѣсь бесѣда!	Какая здѣсь бесѣда!
48 с. в. 9.	шумомъ	шумокъ.
51 — 6.	пѣснопѣнній	пѣснопѣнній,
51 — 7.	Тебя!	Тебя,
51 — 10.	чудесный	чудесной.
61 — 8.	скуку и едино-	скуки и единообразія
	образіе	
61 — 15.	тѣжъ	Тѣже
61 с. н. 4.	описаніе,	описаніе“ —
—	говоришъ онъ,	говоришъ онъ —
62 — 9.	гесперіи	Гесперіи
67 с. в. 3.	въ стихотвор-	Стихотворцахъ - Про-
	цахъ, прозаи-	заикахъ
	кахъ	
69 — 11.	и не вижу	не вижу
71 — 17.	раковидной	раковинной
71 с. н. 6.	очеркъ	Начеркъ
72 с. в. 9, 10.	Обитель смер-	Обитель смерти и во-
	ти и воскре-	скресенія — землю; мѣ-
	сенія: землю,—	сто суда и блажен-
	мѣсто суда и	ства — небо.
	блаженство —	
	небо.	

Спр.	Сп.	Напечатано:	Читай.
72 с. в.	7.	Ван-дейкъ	Ван-дейка
73 —	2.	полешовъ	портрешовъ.
73 с. н.	6.	здѣсь :	здѣсь
77 с. в.	2.	Урю	Ури
77 с. н.	18.	повѣреннымъ орудіемъ	повѣреннымъ, оруді- емъ.
78 с. в.	1.	къ чему-шо	въ чемъ-шо
78 —	10.	Ипаліанской	Ипаліанской
78 —	15.	временъ	времени.
79 с. н.	11.	Клод-Лоррена Диприха,	Клод - Лорренна, Дип- риха
92 с. в.	9.	во впорый вижу разъ	во впорый разъ вижу
99 с. н.	14.	Опца Свяша	Опца Свѣша.
104 —	7.	занавѣсь	занавѣсь
105 с. в.	13.	перспектива	перспективы
110 с. н.	7.	не о моихъ спихахъ	не о моихъ
112 с. в.	2,	Ручей Уль-	Ручей Улькушь
	5, 12, 24.	кушь	
112 —	10.	спепи :	спепи ,
113 —	7.	слово : <i>Егоко</i>	слово Егоко
— —	—	упоминаемое ;	упоминаемое :
115 —	14.	пвоей;	пвоей :
— —	19.	мирныя	лирныя
— —	21.	Улькуша	Улькуши
— —	23.	пихій	пихо
128 —	1.	дичъ	дичъ
129 —	7.	Руской	Русской
137 с. н.	14.	сынове	сыны
166 —	6.	бремененною	беременною
171 с. в.	5.	въ досугачасъ	досуга въ часъ
173 —	13.	Омонскихъ	Омокскихъ
175 с. н.	7.	<i>послѣ</i> : опъ избышка серд- ца	на Русскомъ языкѣ
184 с. в.	7.	они	онъ

Во второй части :

Слпр.	Ст. Напечатано :	Чишай :
22 с. н.	6. Дя	Да
25 —	5. Стоишь	Споишь,
29 —	5. послѣдняго	предпослѣдняго
30 —	5. оныя	оныя
32 —	7. Закона да- шеля въ гла- захъ	законодатель
34 —	6. Парки	Парни
36 —	9. произведені- яхъ	произведений
— —	5. любимую Елегію	любую Елегію
48 —	4. гладись	глядись
61 —	1. замѣчаннымъ	замѣченнымъ
— —	— Клоншпокъ-	Клопшпокъ
69 —	8. на зналъ	не зналъ
72 —	11. пламенный , пророкъ!	пламенный пророкъ !
100 с. в.	9. повергнула	повергнуло
— —	1. во всемъ да- же въ бездѣ- лицахъ,	во всемъ, даже въ без- дѣлицахъ,
101 —	12. разогнушы- ми	разогнутыми,
104 —	3. и оддѣлы- вашься	поддѣлывашься
107 —	3. прозябаю- щихъ, въ мрачной и	прозябающихъ въ мрач- ной
111 —	8. Цѣлая шайка каршежни- ковъ;	Цѣлая шайка каршеж- никовъ,
120 с. н.	6. съ кѣмъ	съ кѣмъ именно
160 с. в.	15. не то же ли равно	не то же ли
164 —	12. въ Липера- шурныхъ При- бавленіяхъ	въ Новосіяхъ Липе- рашурны

НѢЧТО ВЪ РОДѢ ОПЕЧАТКИ

ИЛИ

ОТВѢТЬ ИЗДАТЕЛЮ ДАМСКАГО ЖУРНАЛА.

. . . Нѣтъ! всѣ твои издѣвки
Гораздо негодны для сельскія свирѣлки (*).

Какъ живешь въ свѣтѣ — право не понимаю. Опять искренняго сердца благодарилъ я Кн. Шаликова за похвалы Мнемозинѣ — а ешо его огорчило; обѣщаль ему прислать *чувствительную* піесу для Дамскаго Журнала (см. Сынъ Оп. No 12), что ешаго нѣжиѣ? — а ешо его огорчило. Принявши на себя понь оскорбленной невинности, которая пакъ къ лицу Дамскому Журналу, онъ грозно называетъ меня *люболюдрьмиѣ* — что ешаго спрашиѣ?

Полно-ше Г. Издатель Дамскаго Журнала! За чѣмъ называешь меня споль ненавистнымъ для васъ именемъ? За чѣмъ огорчаешься? *Горестъ разстроиваетъ сердца чувствительныя.* Возьмише въ руки книжку *Revue Encyclopédique*, въ которой именно написано, что вы *даже* издаете Дамскій Журналъ (и полько!); киньше нѣжный, опеческій взглядъ на собраніе своихъ сочи-

---

(*) Стихи изъ моей Трагедіи: *Розовыя фіялки*, изъ коей опривки назначаются въ Дамскій Журналъ. Мои завистники (ибо они есть не у одного Кн. Шаликова) увѣряющіе, что они узнають сочинителя по духу, утверждаютъ, будто бы эти стихи сочиненія Г. Воейкова. Чего не выдумаешь злоба?

неній — и ушѣшьтесь ! Что вамъ до завистниковъ ?

Видите ли Г. Издапель Дамскаго Журнала — съ какою я рожденъ *нѣжною душою* : Вы на меня гнѣваеесь , а я васъ хвалю ! Впрочемъ вы сами пому причиную ; вы сами пому причиную , что на васъ уже не лъзя сердиться , что предъ вами умолкаецъ и гнѣвъ , и Логика !

Какъ бы по ни было , мои пріятели чрезвычайно сожалѣють обо мнѣ : „за чѣмъ“ говорятъ они „избралъ ны соперника столь спрашнаго ? за чѣмъ не нападаешь на нѣхъ , копорые подобно трупнямъ ничего не производящъ , кромѣ Липерапурныхъ наростовъ ; у копорыхъ въ продолженіи цѣлаго полстольшія ничего въ головѣ , кромѣ *фиалокъ* и *розъ* не вершѣлось , и копорыхъ слава сплочена изъ насмѣшекъ , на ихъ же нѣтъ сказанныхъ?“ — Какъ вы объ епомъ думаете Г. Издапель Дамскаго Журнала ? — Впрочемъ чеснѣ имѣю бытъ и проч.

Одвск.

Р. С. Почпенный Издапель Дамскаго Журнала спрашиваетъ у меня , какъ мнѣ угодно , чтобы онъ опвѣчалъ мнѣ ? — Все по прежнему , Г. Издапель , все по прежнему ! Только Бога ради не хвалите меня.

Музына сочи. Гр. М. Ю. Виедгорскаго.

Andantino Espressivo

Canto

Е - с уиѣ нѣтъ мо - ей ве - сны по - ры - вы

Piano Forte

бурь е - с ум - ча - - - ли и жертву мертвой ти - ши -

ны уиѣ не вол - ну - ютъ щастъ - я сны ни сер - дцу

слад кі н пе ча - - ли Е - е умб

нѣтъ мо - ей ве - сны. Е - е умб нѣтъ мо - ей ве - сны.

Ее умб нѣтъ мой весны;
 Въ туманахъ раннего заката
 Потухло солнце старины,
 Дни жизни сердца, сочны
 И нѣтъ утраченнымъ возврата.
 Ее умб нѣтъ мой весны.

Ее умб нѣтъ мой весны;
 Раздался въ сердцѣ глазъ печальный
 Кань ропотъ порванной струны
 Кань стонъ разбившейся волны,
 Кань тихій отзвѣкъ флейфы дальной:
 Ее умб нѣтъ швоей весны.

Слова .Кн. П. А. Вяземскаго.